

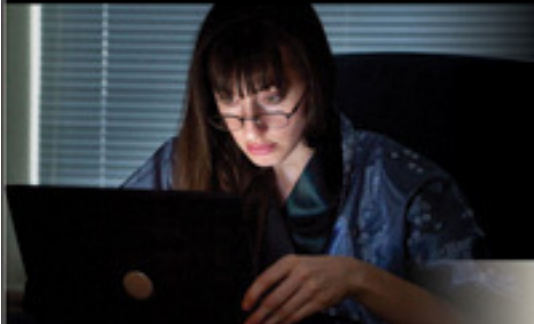

Центр исследований
платежных систем и расчетов

**FINANCE
WAR**
ФИНАНСОВЫЕ
ВОЙНЫ

Записки офисного планктона

Начинающий писатель опубликовал в LiveJournal пост под названием «Место действия — офис...

КНОРУС

Коллектив авторов

**Записки офисного
планктона (сборник)**

«Центр Исследований Платежных Систем и Расчетов»

2014

авторов К.

Записки офисного планктона (сборник) / К. авторов — «Центр Исследований Платежных Систем и Расчетов», 2014

Авторы этих легких и жизнеутверждающих рассказов как акыны – описывают то, что видят вокруг себя, местами приправив изрядной долей фантазии. Офисные клерки не только скандалят с начальством, интригуют или флиртуют друг с другом, но и влипают в веселые, экстремальные, а иной раз и поистине мистические истории. Каждый из 20 рассказов написан в своем особом стиле. Какие-то ярко выраженно женские, иные – явно мужские. Перед вами шеренгой пройдут знакомые образы, в которых вы узнаете своих коллег, начальников, знакомых и, разумеется, самих себя. Книга о вас!

© авторов К., 2014

© Центр Исследований Платежных
Систем и Расчетов, 2014

Содержание

Офисный акын	6
Ал Баев	8
Александр Бачило	17
Александр Паршин	20
Александр Чураков	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Записки офисного планктона (сборник)

© ООО «Центр Исследований Платежных Систем и Расчетов», 2014

© ООО «КноРус», 2014

* * *

Офисный акын

В 2005 году начинающий писатель опубликовал в *LiveJournal* пост под названием «Место действия – офис... или где-то рядом с ним». Он предлагал издателям книг и журналов рассказы, героями которых являются обычные офисные жители: маркетологи, сейлзы, HR-менеджеры, бухгалтеры, большие боссы и т. п. Каждый день они ходят на работу – «разрабатывают проекты», интригуют, конфликтуют, т. е. делают карьеру и борются за место под солнцем. А еще они там флиртуют, заводят любовные романы или легкие интрижки, гуляют на корпоративных пьянках, играют в компьютерные игры и... Предложений от издателей тогда не поступило, зато пост был прокомментирован пользователем: «О да. Новый жанр: офисный акын». Писатель этот – я. Все последующие годы я писал рассказы на офисные темы, которые с удовольствием печатали в сборниках и периодике, хотя найти издателя было весьма непросто. Для возрождения жанра короткого рассказа, популяризации «офисной прозы», а также чтобы дать возможность заявить о себе новым авторам, и родилась идея конкурса. Идея была поддержана руководителем издательства деловой литературы «Центр исследования платежных систем и расчетов», которое выступило организатором и главным спонсором конкурса.

Итак, эта книга – сборник победителей первого литературного конкурса офисных рассказов «Офисный акын», проведенного в 2013 г. На конкурс было подано около четырехсот работ авторами почти со всей России, из ближнего и даже дальнего зарубежья.

Первичный отбор претендентов был осуществлен силами экспертного совета, так сказать, очевидцами офисной жизни. По результатам их оценок был определен шорт-лист из тридцати двух номинантов. Окончательный выбор двадцати победителей сделало профессиональное жюри.

Наша искренняя благодарность людям, при участии которых состоялся конкурс.

Члены жюри:

Эрик Брегис, ведущий редактор издательства «Снежный Ком»;

Сергей Литвинов, писатель;

Максим Мошков, основатель «Библиотеки Максима Мошкова» (www.lib.ru);

Алексей Ходорыч, журналист, сценарист, соучредитель «Косогоров Самогон».

Члены экспертного совета:

Оксана Скакун, главный редактор журнала «Коммерческий директор»;

Дмитрий Потапенко, предприниматель;

Инна Алексеева, генеральный директор PR-агентства *PR Partner*,

Иван Овчаров, генеральный директор коммуникационного агентства *PR.Director*,

Валерия Гришко, независимый эксперт по *PR*, журналист;

Людмила Игнатьева, директор по маркетингу «Все в кредит»;

Марина Кононенко, начальник отдела ООО «ЭнергопромИнвест», член ассоциации экологической журналистики «МедиаСоюза»;

Вера Игнаткина, главный редактор информационно-правового портала garant.ru;

Григорий Трусов, президент консалтинговой компании «Контакт-Эксперт».

Отдельная благодарность компании ООО «Очень хорошо»

(производитель ежедневников нового поколения *mindflowbook*, www.mindflowbook.ru, +7-920-11-11-410), предоставившей призы для победителей.

Алексей Боярский,

автор идеи и модератор конкурса

P. S. Организаторы конкурса будут рады получить отзывы о сборнике в целом, а также об отдельных рассказах (перешлем авторам). Пожалуйста, пишите нам на электронную почту: office_akyn@mail.ru

Ал Баев

Хроника отстрела

Олег Андреевич Бердялин, некогда вполне приличный семьянин и одновременно уважаемый немногочисленными друзьями и некоторыми коллегами инженер-конструктор, испытал все тяготы и лишения кредитно-финансовой системы на собственной шкуре. Нет, он не скрывался от судебных приставов, не отказывался от уплаты алиментов и счетов за услуги ЖКХ. Он вообще не имел долгов. Разве что один-единственный. Перед Родиной. Отдать который ему в свое время помешало банальное плоскостопие.

Бердялин в начале девяностых, когда родной завод перестал оплачивать труд своих работников, каким-то чудом устроился кассиром в мелкий банчок, неожиданно организовавшийся на недвижимой базе заводской столовки. Олег Андреевич, надеясь пересидеть год-другой в кондиционированной атмосфере кассового зала, чтобы позже, когда все наладится, вернуться в родное ОКБ, задержался за купюросчетной машинкой на два десятилетия. А что прикажете делать? Завод тихо ахнул и загнулся, разместив в чревах мертвых цехов своих торговые центры, рестораны быстрого питания, кинозалы, пропахшие попкорном, и даже невиданное досель в провинциальном Солитерске чудо – аквапарк с настоящей морской волной и разноцветными пластиковыми горками, напоминающими индивидам, склонным к диалектике, спиральные витки мировой истории.

Банчок же, пройдя тяжкий путь финансового озверения, всем на удивление пережил и инкомы с менатепами, и мрачные августовские дни девяносто восьмого, выдержал, выдюжил, залез под теплое жирное сидалище каких-то борзых то ли газовиков, то ли нефтяников, и стал довольно крупным и уважаемым банком. С филиальной сетью по всей стране и отделениями в привычно-провинциальных ныне Лимасоле, Гибралтаре и Лондоне.

Но Олег Андреевич карьеры не сделал. Хотя мог. Пока более беспринципные коллеги его перепрыгивали с условномягких дерматиновых стульев в велюровые, а затем и в кожаные кресла на колесиках, карабкались по лысеющим головам неудачников и скользким от слюней и несправедного пота ступеням карьерной лестницы сначала на второй этаж – в отделы, потом на третий – в правление, Бердялин продолжал скромно сидеть за бронированным стеклом этакого аквариума, неспешно считая чужие банкноты. Правда, лет десять назад к должности «кассир» в его трудовой книжке дописали сомнительногордое слово «старший», а еще пятилетку спустя облагодетельствовали списанной из гаража по остаточной стоимости непрестижной ныне фиолетовой «волгой» предпоследней модификации.

Вялотекущая семейная жизнь Олега Андреевича, словно продолжительная болезнь, мало того что радостями баловала редкими и уныло-условными, так и закончилась серьезными осложнениями. Супруга, которой надоело терпеть рядом со своим телом «дешевую тряпку», подалась к «настоящему мужику» с подсушенным на лесопилках торсом о пяти синих куполах с крестами, стыдливо выглядывающими из-под растянутой несвежей майки. Ушла, неверная, прихватив с собой сына, которого немедленно определила в суворовское училище, дабы оглоед не путался под ногами во время обещающего затянуться медового месяца. Ну и до кучи оттапав квартиру. Нет, понятно, что «ушла» – громкое слово, не имеющее с фактическим положением дел ничего общего. Вынужден ретироваться был как раз сам Бердялин. Если уж быть до конца откровенным, Олег Андреевич с законных квадратных метров подвергся изгнанию с применением грубой физической силы тем самым «настоящим мужиком» по имени Леонтий, что следующие полгода занимал место возле тела бывшей супруги, а потом... Впрочем, о «потом» и речь пойдет потом. Потерпите немножечко, хорошо?

Пока же все шло своим чередом.

В безумных водоворотах неурядиц наш кассир мог сгнать вполне себе. С его-то неприспособленностью к жизни. И если б не воистину счастливый случай, толкнувший под колеса троллейбуса родную бердялинскую тетку, не имевшую наследников, кроме самого Олега Андреевича, даже не ясно, куда б он отправился жить-бытовать. Мож, на чердак какой, а возможно, и в зловредно пахнущий метанами канализационный люк – с зарплаты кассира-то, пусть и в процветающем банке, на квартиру не скоро накопишь. Однако все, что ни делается, как известно, к лучшему. Унаследованная однокомнатная квартира в центре, освобожденная с помощью вмешательства так вовремя подоспевшего общественного транспорта, насущный вопрос со средой обитания решила в течение трех секунд. Живи, казалось бы, и радуйся счастливым стечениям...

Н-да... Считать чужие деньги – занятие неблагодарное и в высшей степени неблагодарное. Характер портится. Жутко.

Может быть, это обстоятельство, может, жизненные пертурбации, но вероятнее прочего, дремавшие досель в душе мелкие бесы довольно быстро превратили Олега Андреевича в человека угрюмого и злопамятного. Нет, на людях-то он по-прежнему выглядел спокойным и дружелюбным, этаким лишенным стяжательных амбиций интеллигентом в воображаемой шляпе, завсегда готовым ответить на любую полученную пощечину подставой второй щеки. Похвально, конечно, с точки зрения занимательной теологии, но в обществе, где все друг другу давным-давно волки с крокодилами, не очень выгодно и чревато сердечными коликами.

Изо дня в день глядя с той стороны стекла на толстосумов, что несли в банк на депозиты чемоданчики, чемоданы, а порой и чемоданищи с банкнотами твердых валют и крупных достоинств, Олег Андреевич – раньше спокойно, а теперь с какой-то внутренней яростью – вопрошал к равнодушным небесам: ну почему я должен считать их деньги? Отчего не наоборот? И запечатлевал образы наиболее привилегированных клиентов в своей нехорошей памяти. Мол, найду я на вас управу, олигархи хреновы, придет еще мое время!

Но «денежные чемоданы» продолжали идти, а счастливое время Бердялина робко топталось на месте, боясь сделать неверный шаг.

Да и проклятая совесть не давала покоя.

Нет, не сказать, что фактурой Олег Андреевич обладал жидковатой. Обычную имел комплекцию. Вполне себе среднестатистическую, если можно так выразиться. Статью и мощью своей нисколько не уступал, а то и превосходил ненавистного «настоящего мужика» Леонтия, того самого, что вытурил его из дому и лишил еженедельных, но отнюдь не совсем уж бесприятственных моментов исполнения супружеских обязанностей. Вместо того чтобы дать зарвавшемуся урке в рог и показать свихнувшейся бабе, кто есть в доме хозяин, а кто – пресловутая дешевая тряпка, наш кассир тихонечко ретировался, оставив комплект ключей в прихожей на перчаточной полочке. И это в самый момент, в краткое мгновение супружеских душевных колебаний, связанных с утверждением в **ее** сознании новых приоритетов! Кошмар! Да-да, вот так вот молча и скоренько собрал старый коленкорковый чемоданчик, с коим в детстве катался по пионерлагерям, и, получив обидного пинка от нахального преемника, лихим горнолыжником скатился с лестницы на гладких подошвах модельных туфель из качественного кожаменителя.

Нехорошо получилось. Некрасиво. И осадок остался мутный.

Однако исправить ошибку всегда можно, не правда ли? Отомстить, как литературный граф Монте-Кристо. С чувством, толком, расстановочкой и гордо поднятой головой. Чтб запомнили, суки драные, как над культурными людьми измываться!

Но подобно инертному ожиданию прихода «денежного времени» Бердялин и способ мести избрал воистину устрашающий. Лежал себе на койке поверх лоскутного теткиного покрывала и планировал, как пойдет однажды в спортзал, где быстренько накачает бицепсы с трицепсами, отработает на боксерской груше апперкот и хук слева, а потом подкараулит

в темной подворотне мерзкого Леонтия и так отмудохает, что у того разом поломаются и руки, и ноги, и ребра, и все прочие органы, не обладающие природной эластичностью. Впрочем, дальше мечтаний дело не шло: то спортивную форму надо было думать какую покупать – красную или, может, черную? Или синюю с белыми вставками? То досадные минусы в фитнес-центрах выискивать: в «Атланте» боксерских груш и перчаток нет, в «Граните» шкафчики не запираются, а в «Юниверсуме» вообще бассейн на ремонте. Разве ж сработает злоеший план без бассейна и шкафчиков?!

А тут лихим игом и новая проблемка со свистом подскочила на почве затянувшейся депрессии. Олега Андреевича одолела бессонница...

Если не считать разных побочных средств, предлагаемых нам фармацевтической химией и народно-целительной медициной, существует лишь два проверенных способа бороться с этой напастью. Первый – считать овец или других представителей окультуренной фауны, пока не сомкнутся веки. И второй – читать что-нибудь нудное и тягучее до тех пор, пока не одолеет зевота и не возникнет стойкое желание перебраться в мир грез.

Химию, да и травы чудодейственные, Бердялин отмел сразу – первую от принципиального неприятия, вторые – из лениости готовить отвары, настои и прочую подобную ерунду сомнительной эффективности. Воображаемую скотину в мозгах оцифровывать тоже не возникло желания – на работе Олег Андреевич так насчитывался, что порядковые числительные в домашней обстановке его бесили не меньше воспоминаний о местных олигархах и «настоящем мужике». Оставалась литература.

Ухватившись за нить воспоминаний, какие книги он не смог одолеть во времена освоения школьной программы, Бердялин тут же вытянул на свет Божий увесистый томик жидкобородого игромана. Не откладывая решения проблемы в долгий ящик, Олег Андреевич выдернул с полки интригующую названием книжицу и, раздевшись, нырнул под одеяло. Удивительное дело, но он так увлекся повествованием, что даже не заметил, как в незашторенное окно скользнул солнечный луч. А через минуту зазвонил будильник.

После бессонной ночи, проведенной в компании ростовщиков, малолетних шлюх и нервических студентов с топорами из века позапрошлого, в столетие нынешнее и на опостылевшую работу выходить желания не возникло. Да и сил, впрочем, не было. Позвонив начальнице и сказавшись больным, Бердялин с легкостью взял первый в своей жизни отгул. Из тех, что за долгую и беспорочную у него скопилось, должно быть, не меньше сотни. Спать хотелось неимоверно. Вот и зевота напала, веки сомкнулись... Из-за окна послышалось ритмичное шуршание – вышел на охоту за асфальтовыми нечистотами радивый дворник. Чтоб его! Из форточки в засранца запустить чем-нибудь тяжелым, что ль? Нет, нехорошо. Грубо...

И тут Олег Андреевич вдруг вспомнил какой-то давний фильм, в котором вполне себе обаятельная дама-психоаналитик учила пациента избавляться от дурных мыслей, мысленно же устраняя людей, эти невеселые думы вызывающих. Бердялин тут же представил, как он со снайперской винтовкой подходит к открытому окну, передергивает затвор и, прицелившись, стреляет в дворника... Ах, какой выстрел! Враг повержен, лежит на асфальте в луже собственной крови, а рядом проклятая метла... проклятая метла... проклятая метла...

Олег Андреевич пробудился лишь вечером. И то не по своей воле. «Турецким маршем» надрывался телефон.

Подняв трубку и прижав ее к небритой щеке, он неузнаваемым спросонья голосом выдал из себя тихое:

- Алле?
- Олег Андреич? – раздалось из динамика.
- Да, он самый, – кивнул книжному шкафу Бердялин.
- Это Пастухова. Как вы себя чувствуете? – звонила начальница.

- Спасибо, Виктория Павловна, лучше, – не стал врать Бердялин, – завтра выйду.
- Вы... это... У меня тут мысль одна возникла, Олег Андреич...

Мысль возникла? У Пастуховой? Бердялина такой поворот событий повеселил, но и заинтриговал. Начальница расчетно-кассового центра острым умом совсем не отличалась. Зато выглядела в свои двадцать пять как Лайза Минелли в лучшие годы. Она и должность-то свою нынешнюю получила... Нет, какое, к черту, кабаре?! Проще все! Через постель Толстогубова, председателя банка. Чего, впрочем, никогда и не скрывала.

- Делитесь вашей мыслью, Виктория Павловна.

– Мы тут сегодня с Толстогубовым насчет вас говорили... – выдала с придыханием Пастухова. Нет, с таким голосом вовсе не в банке работать надо! – Так вот... вы у нас старейший работник... и... в общем, Григорий Сергеевич решил вас премировать горячей трехнедельной путевкой в профилакторий «Белые пещеры». С полным пансионом! Да и я только за. Что-то вы в последнее время неважно выглядите... Ну как вам сюрприз, Олег Андреич?!

Бердялин не верил собственным ушам. От возмущения у него сперло в зобу.

– Уж, д-д-да... с-сюрприз! Па... па... позвольте, но на дворе январь, а я хотел взять отпуск в июне! – брызжа слюной, выкрикнул он в трубку.

– Да успокойтесь вы, Олег Андреич, – даже по голосу можно было понять, что Пастухова довольна произведенным впечатлением, – никто на ваш отпуск не покушается. Пойдете в июне, как и запланировали. Я ж говорю – пре-ми-ру-ем! Мы ваши отгулы посчитали... Так что... Выезд завтра в полдень санаторским автобусом от здания горсобеса. Или вы на своей машине поедете? Сами решайте! Только с утра ко мне забегите. Возьмете путевку и заявление на реализацию отгулов напишете...

Реализация отгулов! Придумают же формулировочку.

Впрочем, такого проявления человечности от собственного руководства Бердялин никак не ожидал, посему согласился. А что терять? Тем более, зарплата сохраняется и отпуск никуда не сдвинется. Надо съездить, развеяться. Надо! Бессонницу опять же подыстрейте. А ну как поможет смена обстановки вкупе со свежим лесным воздухом?!

Тем же вечером случилось еще одно замечательное событие, которому Олег Андреевич, впрочем, не придавал никакого значения. Был всецело поглощен сборами.

Часа через два после звонка Пастуховой приходил участковый милиционер, интересовался: не слышал ли гражданин Бердялин утром ничего необычного? А еще лучше – может, видел что странное? Да-да, из окна. Окна ж во двор выходят? Точно, во двор. Нет, ничего не видел, не слышал. Плохо себя чувствовал. Спал как сурок. А что случилось? Да так, ерунда какая-то. Кто-то дворника местного подстрелил. Из снайперской винтовки, представляете?! Нет, слава Богу, не насмерть. Пуля в левое плечо попала. Прошла навывлет. Но сам факт... Ужас! В какие времена живем?! Казалось бы, дворник – самая мирная профессия... после библиотекаря...

В «Белых пещерах» Олег Андреевич не был лет двадцать. С тех самых пор, как профилакторий по наследству от усопшего завода перешел на баланс города. Правда, спонсором реконструкции выступила та самая жирная нефтегазовая контора, которая ныне владела и бердялинским банком.

Некогда строгое и мрачноватое шестиэтажное здание, построенное в середине шестидесятых в стиле конструктивизма без негодных и никому не нужных изысков, теперь узнать было не просто сложно. Решительно невозможно! Бердялин даже представить не мог, как пансионат выглядел летом, но сейчас, закутавшись в пушистые снежные «пены морские», он со всеми своими новодельными пошловатыми балкончиками, вычурными, о китайских львах, крылечками, причудливыми, непонятного назначения «буддистскими» ступами на крыше напоминал огромный британский пароход эпохи безудержного разграбления Востока, налетевший

во время стремительного своего бегства на гигантские рифы. Нет! Не на рифы! Скорее, подобно «Титанику», столкнувшийся с айсбергом (дальнее крыло постройки подпирало отвесную известняковую скалу).

Короче, вид Олегу Андреевичу предстал тошнотворно-сногшибательный. Но веселенький. И так приподнятое настроение нашего кассира совсем не ухудшилось, когда его «волге» нашлось место на отапливаемой подземной парковке. Сервис, бляха-муха!

Номер, прекрасный полулюкс с ванной в мраморе, баром-холодильником и плоским, словно шутки, по нему транслируемые, телевизором. Кормежка в столовой комплексная, но видали б вы те комплексы! Иной провинциальный ресторан позавидует. А еще – бассейн, сауна, ванны грязевые и ванны минеральные, массаж, душ Шарко, тир, бильярд, боулинг, теннис большой и теннис настольный, лыжи, снегоходы... Трех недель мало, чтоб все перепробовать, испытать все возможные и невозможные прелести постсоветского потребительского рая. Ай, спасибо, Виктория Павловна! Не такая уж ты и тварь, оказывается. И вы, уважаемый Григорий Сергеевич, хоть и козел редкостный, но порой об этом забываете...

Первую неделю своего неожиданного отпуска Бердялин спал как убитый. Напрочь забыл о мучивших его нехороших мыслях, а вместе с ними и о проклятой бессоннице. Еще бы! За день уставал так, что сил оставалось разве что посмотреть по телевизору очередную биатлонную гонку (норвежскому «однофамильцу» Бьерндалену за которого неизменно болел Олег Андреевич, в этом сезоне, впрочем, как и во всех минувших, несказанно фартило) да перелезть из глубокого, словно Марианская впадина, кресла в широченную, как былинные просторы, кровать. Утро – бассейн, после завтрака – ванны и массаж, обед, часок на пищеварение, потом тир, лыжи, после ужина – полюбившийся боулинг. Очень нравились теплые камни, которые обаятельная медсестра Варя, хоть и немолодая уже – бердялинская, наверное, ровесница – раскладывала своими нежными пальчиками по искривленному годами сидячей работы позвоночнику. Не жизнь – волшебная сказка!

Бердялин балдел. Дней семь или восемь. А потом случайно встретил его. «Настоящего мужика» Леонтия. И ледяная глыба ненависти снова обвалилась на его, казалось бы, оттаявшее сердце.

Леонтий приехал в «Белые пещеры» с бригадой шабашников перекрывать крышу над бассейном. И надо ж было такому случиться, чтобы столик, за которым откушивал изысканные комплексные яства Олег Андреевич, оказался по соседству со столиком ненавистного врага. За ужином, естественно, взгляды их пересеклись.

Бердялин, будучи человеком интеллигентным до мозга костей, не стал отворачиваться от ядовитого прищуря неприятеля, наоборот, легонько кивнул тому в знак приветствия. И немедленно получил в ответ:

– Че, тряпка дешевая, невроты лечишь? Давай-давай, правь здоровьишко. Хотя... оно теперь тебе без надобности. Пиписька-то уж три года как работает только на сортир. А без пиписьки на хрен такая жизнь, а?!

И даже не эти слова были самыми обидными и не гогот троих шабашников, леонтьевских дружков с такими же звериными, как у «настоящего мужика», мордами, а то, что все это безобразие видели отдыхающие, которые разом заулыбались и с любопытством уставились на Бердялина. Во всяком случае, так Олегу Андреевичу показалось. Ответив обидчику что-то типа: «да вы, сударь, хам!», он лишь вызвал новый приступ хохота и вынужден был из столовой ретироваться. Ладно, перекусить успел.

Естественно, ни в какой кегельбан Бердялин из столовой не пошел. Вернулся в поганом настроении в номер, включил телевизор, пощелкав пультом, нашел какой-то второсортный боевик и, достав из бара бутылку водки, уселся в кресло.

Он пил белую прямо из горла, не закусывая, почти не пьянея и ничего не чувствуя, кроме ярости, что вздымалась в его израненной душе, подобно девятому валу. Толстый китаец

из телевизора метелил обрезком трубы какого-то тощего прощельгу, который в наивной надежде на помилование тянул к нему свои окровавленные руки с изломанными пальцами, отчего изверг лишь сильнее свирепел. Бердялин, отхлебывая из бутылки, представлял себя на месте экзекутора, уложившего на грязный пол киногаража мерзкого Леонтия. Тот орал благим матом, умоляя прекратить, испуганно извинялся, по обезображенной харе его текли жалкие слезы вперемешку с соплями и кровью. Но Олегу Андреевичу было не до прощений. Он поднимал руку с зажатой в нее трубой и опускал на тело несчастного урки, поднимал и опускал, поднимал и опускал... поднимал и опускал...

Фильм давно кончился. Водка тоже. Воображаемый Леонтий, забитый насмерть, валялся в луже собственных телесных жидкостей на заплыванном бетонном полу.

В дверь постучали.

Олег Андреевич, бросив опустевшую бутылку под тумбочку, с трудом поднялся на затекшие ноги и по стенке двинулся в тамбур. Отперев замок, он широко распахнул дверь. На пороге стоял директор профилактория. Глядя своими искрящимися лицемерной радостью глазами в мутные бердялинские, он громко и отчетливо произнес:

– Олег Андреевич, дорогой мой, я только что узнал об ужасном происшествии, приключившемся в столовой. Прошу вас, простите нас, пожалуйста, за недогляд. Рабочие больше не будут питаться в общем зале. Мы подумали хорошенько и решили ограничить их передвижение по территории нашего пансионата. Надеюсь на вашу порядочность. Вы ж не станете поднимать скандал? А мы со своей стороны...

– Все нормально, – резко перебил его Бердялин, – можете ни о чем не беспокоиться. Никаких мер я принимать не собираюсь!

Олег Андреевич захлопнул дверь, из-за которой прозвучало жизнерадостное:

– Спасибо!

– Не за что, – зловеще прошептал Бердялин своему отражению в зеркале и, пройдя в комнату, достал из бара второй пузырь, с которым вновь плюхнулся в кресло.

По спортивному каналу показывали биатлон. Гонку преследования. В желтой майке лидера летел к очередному огневому рубежу «великий и ужасный» Оле Айнер. Трибуны неистовствовали, хором выкрикивая имя своего героя:

– Бьерн-да-лен!.. Бьерн-да-лен!.. Бер-дя-лин!.. Бер-дя-лин... Бер-дя-а-а-а...

Бердялин проснулся затемно. Часы в сотовом показали 02:44. Притихший телевизор светился синим. Башка раскалывалась.

С трудом высвободившись из навязчивых объятий кресла, Олег Андреевич, пошатываясь, прошел в туалет, где битый час вызывал в фаянсовый рупор неведомого и загадочного Ихтиандра. Освободив организм от не до конца переваренного ужина и лишней желчи, он вернулся в комнату и повалился на кровать.

Попытка быстро заснуть окончилась неудачей. Мешала не столько пульсирующая боль в висках, сколь неприятные мысли. Нет, Леонтий отчего-то Бердялина уже не беспокоил. Ну что с него взять? Может, кому и настоящий мужик, но по сути своей – обычное быдло. Пускай живут себе с бывшей, все равно юношеская любовь давно прошла. Оставалась привычка, от которой, Олег Андреевич теперь точно знал, он окончательно избавился... «Переходящий вымпел достался новому победителю соцсоревнования»... И сына, если тому в тягость, из суворовского можно в любой момент забрать. К себе. Жить, слава Богу, есть где. Хоть в тесноте, да не в обиде.

Сейчас заснуть не давала глумливая ухмылка директора профилактория.

Пришел извиняться, так извиняйся по-человечески. Искренне. Нет же, за жопу свою боишься... Скандал не поднимайте, пожалуйста... Нужен ты мне, лицемер!

Олег Андреевич отчетливо представил себя знаменитым норвежским «однофамильцем» на огневом рубеже. Он бойко снял с плеч снайперскую винтовку, передернул затвор и, задержав дыхание, прищурился в прицел. На месте первого черного блина красовалась потная от страха рожа директора. Грянул выстрел! В яблочко! В самый центр лобешника...

Веки Бердялина медленно сомкнулись. Пришел сон...

Бассейн и завтрак Олег Андреевич пропустил. Проснулся лишь в десять. Быстренько освежившись под душем, надел спортивный костюм, сунул босые ноги в тенниски и отправился на процедуры. Странно, но настроение после вчерашнего происшествия было вполне сносным. Ни обиды на Леонтия с его хамоватыми дружками, ни ненависти к лицемеру-директору.

Медсестра сегодня, впрочем, как и всегда, выглядела просто потрясающе. Только отчего-то даже не улыбнулась. Неужели ей все рассказали?

– Доброе утро, Варенька, – поздоровался Бердялин. – Камушки мне поставите?

– Здравствуйте, Олег Андреевич, разоблачайтесь и ложитесь, – кивнула медсестра. – Вы у меня сегодня первый пациент. Ох уж... Все разбегаются, словно крысы с тонущего корабля. Впрочем... разве можно кого-то обвинять, когда здесь творится такой ужас?

Олег Андреевич, раздевшись, улегся животом на разогретый каменный подиум и повернул голову в сторону Вари:

– Какой ужас? Я вас не понимаю, Варя.

– Вы не слышали? – медсестра на секунду застыла над Бердялиным с увесистым катышем в руке. – Да вы что?!

Теплый камень аккуратно лег на поясницу. Ласковое тепло заструилось по позвоночнику.

– У нас ночью директора убили. В собственной кровати, представляете? Пустили пулю в лоб... Даже Юля, горничная, спавшая с ним рядом, ничего не слышала. Очень тихо сработали. Наверное, пистолет с глушителем был. Или с расстояния били. Сквозь форточку... Профессионал работал...

В помещение, шумно распахнув дверь, влетел взъерошенный доктор.

– Извините, Варвара Степановна, можно вас на пару слов в коридор...

Олег Андреевич остался в одиночестве. Расслабился. Пока единственный камень, лежащий на его спине, вдруг стал невероятно жечь, чего раньше никогда не случалось. В голове яркой молнией промелькнуло странное воспоминание – биатлонное стрельбище, мишень, на ней лицо директора, покрытое испариной, выстрел... Бердялин провалился в черноту.

Очнулся Олег Андреевич от хлопка. Снова выстрел? Нет, всего лишь дверь шаркнули. Вернулась Варя.

– Простите, пожалуйста.

Она один за другим быстро брала разогретые камни и выкладывала из них тропинку по бердялинскому позвоночнику.

– Не жжет?

– Нет, Варенька, – попытался улыбнуться Олег Андреевич, – все хорошо. А доктор... приходил... еще что-то?

– Даже не знаю, говорить ли вам... – после паузы полупшепотом вымолвила медсестра.

– Да уж говорите, говорите, говорите, – слишком торопливо забубнил Бердялин, хотя откуда-то знал, что новая информация понравится ему еще меньше.

Варя вздохнула и наконец ответила:

– Только что кровельщика нашли на подземной парковке. Избитого почти до смерти.

– Кровельщика? – удивился было Бердялин, но вспомнил, что «настоящий мужик» Леонтий – сомнений в этом факте даже не возникло – прибыл сюда с бригадой ремонтировать крышу бассейна.

– Да, шабашника. Наверное, дружки его и постарались. Ну что за люди?! Перепьются как скоты, а потом отношения выясняют! Неужели по-человечески нельзя, словами...

– Он жив?

– Жив, – ответила медсестра. – Только кости все переломаны, мозг серьезно травмирован и, похоже, позвоночник перебит... Кому нужна такая жизнь? Овощ... в инвалидной-то коляске. Бедная жена его. Всю оставшуюся жизнь теперь мучиться будет.

– Бедная, – согласился Бердялин. – Будет мучиться.

И попытался тяжело вздохнуть. Но сдержаться не смог – злорадно ухмыльнулся...

Пока Олег Андреевич мирно отдыхал в профилактории «Белые пещеры», его родной Солитерск стремительно терял инвестиционную привлекательность. словно само время повернуло вспять, возвращая город в страшные девяностые. Ежедневно что-нибудь нехорошее да случалось.

В ночь, следующую за той, когда был убит в собственной постели директор пансионата, кто-то дерзкий и безбашенный совершил нападение на начальника городской милиции. Ради справедливости надо сказать, что полковника в Солитерске не шибко-то и любили. Отъявленный взяточник, готовый за хороший куш прикрыть глаза на любое, пусть даже самое мерзкое, преступление, наглый и беспардонный крышеватель среднего и мелкого бизнеса. Что говорить – поганый был человечиска. И пристрелили-то его в момент, когда он в стельку бухой выползал из сауны, в которой устроил с замами «субботник» для проституток.

Следующим вечером пулю в голову получил прокурор – лучший дружок покойного главмента и такая же мразь. Этот – в собственном «майбахе» возле дома любовницы.

Третья ночь лишила Солитерск председателя горсуда, четвертая – главы дорожного комитета горсобрания, пятая – директора нефтекомбината, шестая...

Опера и следователи сбились с копыт, стараясь добраться до неведомой «белой стрелы», учинившей расправу над городским патрициатом, но результатами похвастаться не могли. Пытаясь объединить жертв в хоть какой-то «кружок по интересам», они тоже не преуспели. Разве что личные счета и депозиты те держали в одном банке. Но это мелочь, для провинциального городишки обычная. Погибшие силовики и чиновники с казненными представителями крупного бизнеса интересы имели не то что не общие – скорее, противоположные. Может, проще все? На территории Солитерска действуют две группировки?

Уничтожают себе друг дружку – планомерно и обстоятельно? Но... но куда тогда прикажете отнести биатлониста?

Биатлониста?! Какого еще? Чушь это все, нет его! Слухи, выдумки, молва. Городские легенды. В народе шептались, будто бы перед каждой расправой редкие свидетели видели спортсмена в желтой майке лидера с винтовкой за спиной, летящего на лыжах по нечищенным улицам... Бред. Галлюцинация! Да и судмедэкспертиза тому подтверждение – все погибшие застрелены из боевого снайперского оружия пулями калибра 9 мм. И характерных следов от лыж ни разу обнаружено не было. Скажите, ну причем тут спорт?

Григорий Сергеевич Толстогубов, скатив свою жирную потную тушу с изящного тела Виктории Павловны Пастуховой, взял с тумбочки стакан виски, неаппетитно причмокивая, осушил его в три глотка и, крикнув, произнес:

– Слушай, Вика-чечевика, твой-то Олег... этот самый... Андрейч когда на работу выходит?

– Так завтра из пансионата возвращается. Послезавтра должен быть. А что? – Пастухова губами достала из пачки тонкую сигарету и прикурила ее от золотой зажигалки.

– Да так, идея одна оформилась, – глядя в потолок, задумчиво произнес Толстогубов.

– Какая еще идея? – Виктория Павловна приподнялась на локоток и с интересом уставилась на шефа.

– Михалыча-то сегодня на пенсию отправили. Вот... Собираюсь тебя на его должность поднять. Будешь моей замшей по работе с населением. А Олег Андрейча на твое место. Ты как?

– Я? Нормально, – улыбнулась Пастухова. – Давно пора. Лучше б ты, конечно, со своей короной развелся и на мне женился...

– Так! – остановил словоизлияния банкир. – Этот вопрос не обсуждается. Забыла? И с тобой дело мне ясное. Я про этого... про Бердулина спросил.

– Про Бердялина, – поправила Виктория Павловна.

– Слушай, какая мне разница, а? Бердулин, Пердялин! Главное, киса, чтоб он с работой справлялся!

– Ну я ж справляюсь! – выдала Пастухова саморазоблачающую реплику.

Толстогубов с любопытством посмотрел в ее оливковые глаза, лишённые всякого признака интеллекта, и громко расхохотался.

– И то правда, – утирая запястьем выступившие от смеха слезы, произнес банкир. – Значит, так и запишем. Завтра переезжаешь в кабинет Михалыча, а Пердулина своего по выходу сразу ко мне. Заметано?

– Как скажете, Григорий Сергеич, – по-деловому сухо произнесла Пастухова.

– Ладно, одевайся, кукла. Быстренько! По домам пора...

Вот и пролетел последний день бердялинского пребывания в «Белых пещерах».

Диск луны с размытыми краями просвечивал сквозь полупрозрачные тюлевые занавески.

Сон не шел. Одолевали думы.

Завтра домой. Эх, хорошо б Толстогубову пришла мысль назначить меня начальником расчетного центра. Можно было б Варе предложение сделать. Она мила... Очень мила! И смотрит так, что... Но разве пойдет она за простого кассира? Нет... Сволочи! Дождешься от них! За двадцать лет «волгу» старую и вот теперь пансионат этот. Ух... Ненавижу...

– Григорьсергеич, смотри! Лыжник! Ночью! – Виктория Павловна одной рукой потянула Толстогубова за рукав, указывая другой в сторону застывшего в полусотне шагов биатлониста, готового поразить мишени.

– Где? – обернулся Толстогубов и, заметив угрозу, попытался укрыться за машиной, таща за собой наивную любовницу. – Дура, он же в нас цели...

Этой ночью Бердялин спал особенно хорошо.

И пусть мечты его были всегда несбыточны, а надежды давно умерли, но и... врагов не осталось. Ни тайных, ни явных. Никаких.

Да. Врагов не осталось...

«Ну и что все это значит?» – вдруг спросит кто-нибудь.

«Да так, ничего, – ответит, должно быть, вполне счастливый Олег Андреевич. – Просто все. Можно спокойно спать».

Александр Бачило **Досуг заказывали?**

Наконец раздался звонок в дверь. Я бросил последний взгляд на журнальный столик: цветы, шампанское, фрукты. Черт его знает, как там у них положено. По-моему, идиотизм полный. Но прятать поздно. В конце концов, могут у меня быть причуды?! Неизвестно еще, что там за сокровище, может, инфаркт с первого взгляда! Только дверь откроешь, и...

За дверью стоял мужик. Правда, одет прилично.

– Досуг заказывали?

– Да, но... – я попятился, – мне бы с этой... с традиционной ориентацией...

– Я должен осмотреть помещение, – пояснил он. – Требования безопасности.

– Ах да! – спохватился я. – Конечно, конечно, проходите!

Прямо от сердца отлегло.

Он вошел, окинул комнату цепким взглядом и сразу повернулся ко мне.

– В первый раз?

– Ну, не совсем в первый... – зачем-то соврал я. – Дело в том, что мы с женой...

– Жена тоже будет? – нахмурился он и быстро сверился с записью на экране маленького наладонника.

– Нет-нет! Мы как раз решили расстаться.

– Вот те на! А что так? – он смотрел на меня с нескрываемым беспокойством. – Маленькая зарплата? Психологические проблемы? Внешность?

– Ну какое это имеет значение?! – недовольно пробурчал я.

– Внешность, конечно, дело не мое, – потупился он, – но я должен оценить вашу платежеспособность. Если вам неудобно вносить сразу всю сумму наличными, могу предложить варианты...

– Серьезно? – обрадовался я. – Это было бы очень кстати! Откровенно говоря, деньги действительно последние. Уволился с работы, ипотека накрылась... оттого и в семье разлад... Но жить-то надо...

Его пальцы забегали по экранчику наладонника, шустро передвигая иконки, будто костяшки счет.

– Пьете?

– Начал. Раньше в рот не брал.

– Ну и как?

– Ничего, привыкаю. А что делать, если жизнь такая?!

Он кивнул.

– Ну, это мы поправим... Зайдите завтра вот по этому адресу. Ваш специалист принимает с двух.

Я машинально записал адрес.

– Спасибо, но...

– Вы кто по специальности? – спросил он, – Где работали? Стаж? Занимаемые должности?

Я рассказал. Он снова поколдовал над экранчиком и предъявил мне список адресов.

– Вот сюда и сюда вас возьмут с удовольствием. А вот здесь придется побороться. Конкурс. Но зато сразу – в топ-вип-штаб.

– Штаб или штат? – уточнил я, едва успевая строчить карандашом в блокноте.

– Там разберетесь. Собеседование в девять утра, не опаздывайте – в двенадцать вы должны быть в банке.

– В каком банке?!

– В ипотечном. С двенадцати до часу они дают пробные кредиты первым десяти счастливым.

У меня вспотел карандаш.

– Откуда это известно?

– Так ведь вот! – гость любовно подышал на экранчик и отер его рукавом. – Многофункциональная вещь! Но давайте вернемся к жене...

Я вздрогнул.

– К какой жене?!

– К вашей, разумеется! – улыбнулся гость, и наладонник осветился новой россыпью иконок. – Будем работать на контрасте.

– Ах, на контрасте! – я начал понимать. – То есть сразу отметем все неподходящие параметры?

– Вот именно. Что вас конкретно в ней не устраивает? Ноги? Лицо? Характер?

– Видите ли, – смущенно начал я, – если говорить коротко... К концу моего рассказа за окном начало смеркаться.

– Но даже не это главное, – заключил я осипшим голосом. – Беда в том, что нет былой любви...

– Ну, любовь-то мы вам гарантируем! – уверенно кивнул он, не переставая комбинировать картинки на экране.

Я был поражен.

– Не может быть! Настоящую любовь?!

– А то какую же! Пылкую, страстную и это... самоотверженную! – он подвел черту под вычислениями, но, подумав, приплюсовал что-то еще. – Да плюс чувство безмерной благодарности.

– С ума сойти, – пробормотал я. – И все это обеспечивает ваша фирма? У вас, наверное, большой выбор?

– Не беспокойтесь, вам предложим самое лучшее! – он с гордостью похлопал по наладоннику.

– Что за безделушка? – вежливо поинтересовался я.

– Последняя разработка, – хвастливо заявил он. – Do-Sung-700. В отечественном исполнении – СВД.

– СВД? – переспросил я. – Винтовка такая бывает.

– При чем тут винтовка?! – гость обиженно поджал губы. – Счастье Всем, Даром. Эксклюзивная модель.

– Так уж и даром? – усмехнулся я. Он слегка замялся.

– Ну, я считаю, что за такой набор возможностей – это практически... копейки.

– Ладно, – сказал я. – Не буду спорить. Мы и так уже заболтались. Хотелось бы наконец взглянуть, что там подобрал мне этот ваш... БТР.

– Одну минуту! – гость прочертил указательным пальцем плавную дугу в воздухе и ткнул в экран наладонника.

Сейчас же входная дверь моей квартирki широко распахнулась, и на пороге появилась... Она.

Ах, сердце, мое бедное сердце! Как ты не выскочило через шрам от аппендицита, когда рванулось навстречу этой девушке! Как сладко облилось ты пряной глазурью предвкушения: вот сейчас я до нее доберусь, вот сейчас я заруюсь носом в эти пьянящие волосы, буду срывать эти одежды, вопьюсь сразу всеми органами так давно питавшихся всухомятку чувств в это упругое... и нежное... и своевольное... и податливое...

– О, да у нас гости! – сказала вдруг она, и я затылком включил свет в прихожей.

Чей это голос?! То есть я знаю чей, но... откуда его принесло?! Не может этого...

– Ма... Ма... Маша?! – по-рыбьи разевая рот, просипел я. Она бросилась мне на шею.

– Ты у меня самый лучший! Самый заботливый! Самый умный! Самый любимый! Муж! На свете!

Покрываясь горячими поцелуями и холодным потом, я думал лишь об одном: что будет, если сейчас сюда явится та, кого на самом деле вызвал мой многофункциональный гость. Хоть мы с женой и покрикивали о разводе в пылу ссор, хоть она и уходила порой, хлопнув дверью, ночевать к маме, но за такую выходку меня ждало бы совсем другое – погибель лютая, страшная...

Обнимая преобразившуюся Машку, я как мог подавал за ее спиной невразумительные знаки гостю. Он, видимо, понял и направился было к двери, но Маша повернулась к нему, продолжая тараторить:

– Вы представляете, заскочила в салон на маникюр, а мне говорят: ваш муж только что заказал для вас полный спа-цикл, пилинг, фраксель, эпиляцию, депигментацию, подтяжку, ботокс и отсос, не считая лаун-массажа китайской вакуумной баночкой! Абонемент на полгода!

Она снова вlepила мне поцелуй непривычно пухлыми губами.

– Он гений! Сейчас будем пить чай!

– Нет-нет, – стушевался гость. – Спасибо, на работе – не могу. Я ведь здесь по делу...

– Да? По какому? – Красивая Машка смотрела на него большими кукольными глазами.

Я изобразил на лице мольбу и отчаяние.

– Ваш муж... – медленно начал гость, заставляя меня вздрагивать при каждом слове, – заказал мобильное устройство. Мое дело – доставить и оформить первый взнос. Вот здесь распишитесь, пожалуйста, – добавил он, обращаясь ко мне.

Я чуть не упал, зацепившись за тумбочку, когда летел расписываться вот здесь. Мне так и чудился приближающийся стук каблучков на лестнице. Но гость, приняв деньги и поздравив с покупкой, вышел наконец за дверь, и я вздохнул облегченно.

– Ого! – удивилась Маша, заглянув в квитанцию. – И это только первый взнос?! А что за гаджет-то?

– Машина желаний! – со значением произнес я. – Снайперская! Теперь наша жизнь пойдет совсем по-другому!

– А ну, дай посмотреть... – жена повертела агрегат в руках и скривилась. – Фи! *Do-Sung* Стоило такие деньги отдавать за обычный телефон с выходом в Интернет...

Я медленно повернул голову и уставился на нее.

– Как ты сказала? В Интернет?!

– Ну, конечно. Все знакомые давно со смартфонов шарят, зачем ты *Do-Sung* заказывал? Надул тебя твой коммивояжер!

Я вдруг почувствовал, что меня разбирает нервный смех.

– Коммивояжер! Ну конечно!

В ушах эхом отдавалась самая первая фраза, которую он произнес, едва войдя в квартиру: «Досуг заказывали?» «До-сунг» он мне впаривал! А работу, кредиты, врача, новый имидж жены – все это заказал по Интернету. За мои же деньги!

– Что с тобой?! – удивилась жена. – Чего ты смеешься как ненормальный? Даже не сказал, как я выгляжу!

Но я не успел ответить. Входная дверь снова распахнулась, и в квартиру шагнул верзила в кожаной куртке со старомодной золотой цепью на дубовой шее.

– Папаша! – прорычал он. – Проститутку заказывал?

И, обернувшись, крикнул в подъезд:

– Натаха! Заходи!

Александр Паршин **Банкир**

Человек с занесенным ножом приближался, изуродованное шрамами лицо выражало ненависть.

«Откуда он взялся и где его друг? – подумал Турка, отступая к каменной тюремной стене, и тут же появился другой человек с ножом. – Но это было четверть века назад. Сейчас я банкир. Откуда они взялись? Я старый, мне не справиться с ними».

Их глаза горели сатанинским огнем, освещая заостренные скулы, обтянутые тонкой кожей, подошли вплотную, обдав тяжелым запахом прошлого, и стали наносить удары ножами в грудь. Сердце застучало тише и, стукнув в последний раз, остановилось.

«Мерседес» остановился в тени каштанов, водитель, выскочив из него, открыл заднюю дверцу. Из машины вышел грузный пятидесятилетний мужчина. На нем был дорогой, идеально подогнанный по фигуре костюм, и лишь отсутствие галстука наводило на мысль, что в прежние годы одежда его не была столь изысканной. Шрам на короткой толстой шее и вмятина на лбу не оставляли сомнения, что та одежда была казенного образца.

– Валера, у тебя такой неприятный освежитель воздуха в салоне, – проворчал он.

– Сергей Иванович, сейчас проветрю и заменю на другой, – словно отрапортовал шофер.

«Какой дурацкий сон, – подумал хозяин, не обращая внимания на слова своего водителя, – а на пятницу они сбываются. Получу сегодня пулю от наемного убийцы. Глупость все эти сны, а реальность – вот она, передо мной».

Господин Бархударов каждое утро наслаждался этим моментом. Он, бывший уголовник по кличке Турка, выходит из шикарной машины и поднимается по гранитным ступенькам самого большого банка в городе, своего банка.

Прошло семь лет, как владелец банка вышел на свободу и построил это огромное современное здание. Предыдущее десятилетие он провел в колонии строгого режима за ограбление областного валютного магазина. Это была третья судимость. Перед тем как его отправили по этапу, Турка смог передать все деньги двум молодым талантливым экономистам на развитие своего бизнеса и поставил надежного парня по кличке Костолом охранять их. Турка не ошибся в выборе – за десять лет молодые бизнесмены увеличили его капитал в десять раз, а за последние семь – еще в десять. Теперь в городе практически все решает господин Бархударов. Экономисты и верный телохранитель имеют по десять процентов от всего созданного и продолжают увеличивать свои богатства, а он имеет семьдесят и не мешает им.

Выбежал его личный секретарь Геннадий Витальевич Арбузов.

«Одет не хуже графа, – покачал головой Бархударов, – а шестерит, как последняя шестерка на зоне, но свои десять штук баксов в месяц плюс премиальные отработывает сполна».

– Сергей Иванович, вам звонила жена, просила передать, чтобы вы не волновались, – начал он хорошо поставленным голосом. – Дочка ваша вернулась, с ней все в порядке. Артем Владимирович держит ситуацию под контролем.

«Боже мой! – усмехнулся про себя банкир. – Семь лет прошло, а все не могу привыкнуть к своему положению. Как может Костолом со своей исполосованной ножами рожей быть Артемом Владимировичем, и представляю, как он держит ситуацию под контролем, но в обиду мою семью не даст».

Сергей безумно любил свою жену, ждавшую его десять лет из тюрьмы. После возвращения он взял ее фамилию, чтобы люди навсегда забыли Турку. Сергей Иванович души не чаял в своей дочери, гордился своим сыном, помогающим вести семейный бизнес.

– Какие дела на сегодня? – спросил он властным голосом.

– Сегодня пятница, – голосом диктора на телевидении секретарь стал перечислять назначенное на день. – Сначала прием просителей, ждущих от вас спонсорской помощи. Далее – открытие детского садика – вы обещали им ленточку разрезать, и у меня есть сюрприз.

– Просителей много?

– Человек двадцать.

– Так, сегодня примем трех-четырёх, остальные свободны, – на лице Сергея Ивановича появилась улыбка. – Затем разопьем твой сюрприз и поедем на открытие детского садика, дальше – по обстоятельствам.

– Если не возражаете, принимать будем здесь! Новый кабинет слишком роскошен, а в этом больше чувствуется близость к простому народу.

– Мне больше всего в тебе знаешь что нравится? – засмеялся хозяин.

– Знаю, мое умение отгадывать ваши мысли.

– Ладно, зови попрошайек, троих, в порядке живой очереди.

– Здравствуйте, Сергей Иванович! – слегка поклонилась зашедшая пожилая женщина. – Я директор дома престарелых номер один, Анна Борисовна Вдовина. У нас водопровод в полную негодность пришел, на каждой трубе по десятку хомутиков...

– Геннадий Витальевич, – обращаясь к секретарю, прервал ее мольбу всемогущий спонсор, – замени водопровод полностью и давай следующего!

– Спасибо, Сергей Иванович! – радостно поклонилась женщина и спиной вышла за дверь.

Следующим зашел парень, совсем мальчишка – одет вопиюще безвкусно, с замысловатой прической.

– Господин Бархударов, проблема у нас, – начал он довольно независимым голосом. – Я, Павел Клепин, со своими корешами шансон пою. В городе мы лучшие. Нам на конкурс «Песня Урала» попасть надо, но у них взнос – штука баксов с каждого, а в администрации сказали – облом.

– Стоять! – рассмеялся хозяин банка. – Давай по порядку! Шансон, как я понимаю, это блатняк по-современному.

– Не совсем, – улыбнулся парень. – Можно я вам диск поставлю? Сами послушаете.

Секретарь взял из рук парня диск и вставил в компьютер. На мониторе показались трое ребят, и Павел запел песню.

«Все же блатняк, – про себя улыбнулся Сергей Иванович, вспоминая свою нелегкую юность, – но как красиво поет, фраер».

Он дослушал песню до конца и жестом приказал выключить, парень весь напрягся, ожидая важного для себя решения.

– Геннадий Витальевич, – задумчиво начал банкир, – организуешь им поездку по полной программе. Это во-первых. Во-вторых, у меня в ресторане поют какие-то ненормальные, и ты платишь им по штуке баксов за вечер, а почему бы не платить эти деньги ему. Я думаю, он не откажется.

– Я... да вы что... да мы... – залепетал ошарашенный парень. Следующим был тренер юношеской команды города по футболу.

– Иваныч, привет! – с протянутой для рукопожатия рукой бросился к нему стройный мужчина лет сорока.

Хозяин кабинета слегка кивнул и, не подав руки, строгим голосом спросил:

– Тебе что?

– Сергей Иванович, – голос просителя стал не таким уверенным, – нам деньги на строительство стадиона перестали перечислять.

– Правильно делают. Вы последние две игры продули? Продули. Тебе, по моим подсчетам, еще миллионов пять надо?

– Так ведь «деревянных», Сергей Иванович.

– Так вот, Толик, теперь вам после победы будет поступать по триста тысяч, после ничьей – сто тысяч рублей. До конца следующего года стадион не построишь – найду нового тренера. Свободен! – он подождал, когда посетитель закроет за собой дверь, и с улыбкой обратился к секретарю. – Прием закончен. Делать хорошие дела приятно, но на всех не напасешься. Доставай свой сюрприз!

Арбузов, не торопясь, продлевая удовольствие, подошел к серванту, но тут дверь открылась, и в кабинет влетела женщина лет тридцати пяти и, подойдя вплотную к столу, заговорила громким голосом:

– Я директор дома престарелых номер два, у меня совершенно нет лекарств, не говоря обо всем другом.

– Геннадий Витальевич, это кто? – злым голосом перебил ее Бархударов.

– Директор дома престарелых номер два, Ирина Константиновна Ласточкина.

– Что ей здесь надо? – он не любил, когда с ним разговаривали на повышенных тонах, и полностью игнорировал присутствие женщины. – Мы сегодня каким-то престарелым подали.

– Месяц назад этот дом отошел к нашему городу от поселка Петровка, – стал докладывать секретарь. – Они там в каком-то бараке живут.

– И что, я теперь должен кормить и этих, других инстанций нет?

– Да идите вы со своими деньгами знаете куда! – зло прошептала женщина, направляясь к выходу, у двери повернулась: – Ваши бы родители так пожили, как они живут.

– Психопатка, – проворчал банкир.

«Съездить что ли, к своим, узнать, живы ли?» – на мгновение мелькнула мысль.

Такая мысль иногда посещала господина Бархударова, но всегда лишь на мгновение. Двадцать пять лет назад, на суде перед вторым сроком, отец, ярый коммунист, во всеуслышание объявил, что отрекается от сына и ноги того более не будет в его доме. Четверть века он не знает об их судьбе, они – о его, а до родного поселка менее ста километров.

– Сергей Иваныч, оцените качество моего сюрприза! – прервал его раздумья голос секретаря.

Шеф втянул носом аромат напитка и сделал глоток, затем внимательно рассмотрел этикетку:

– И сколько стоит эта бутылка?

– Сто тысяч рублей.

– Неплохо, – улыбнулся банкир. – Я в смысле вкуса, но на прошлой неделе мы с тобой пили... не помню название... тот мне больше понравился.

– Я вам обещал, что мы с вами попробуем все коньяки мира. Слово свое сдержу, а какие вам больше понравились, я прекрасно знаю.

– Ладно, наливай еще по одной, и поехали в садик!

Господин Бархударов в сопровождении секретаря гордо вышел из своего банка и подошел машине. Увидев на центральной дороге какое-то столпотворение, слегка кивнул головой.

– Это какой-то водитель на КамАЗе врезался в наш столб, – тут же сообщил Арбузов.

– С каких пор возле моего банка стали КамАЗы ездить?

– Он дальнбойщик, не местный, с ним Артем Владимирович уже разобрался. Сегодня все будет исправлено.

– Как ты, Гена, ухитряешься все держать под контролем? – и, обращаясь к водителю, приказал: – Давай вокруг, и помедленней! Давно хотел посмотреть свой банк с тыла.

Машина медленно объезжала высокую ажурную изгородь, а хозяин делал секретарю замечания:

– Почему деревья такие невзрачные?

– Это не совсем деревья, просто высокий кустарник. Хотят сделать, как у английских лордов в их замках. Дизайнер сказал, это будет гармонировать с нашим зданием.

– А это что за драка? – спросил Сергей Иванович, увидев, как два бомжа бьют старуху.

– Это попрошайки делят сферу влияния. Старуха здесь с месяц милостыню просит, а эти догадались, что место неплохое, вот и гонят ее.

– Убрать всех! – рявкнул хозяин. – Чтобы духу их не было!

Арбузов отдал приказ по сотовому телефону, и тут же как из-под земли появились два охранника. Один схватил мужиков за шиворот, слегка ударил лбами и прижал к забору, другой попытался что-то объяснить старухе, положив руку на плечо, но та рванулась прямо под колеса машины. Охранник был начеку, схватив ее за плечи, прижал спиной к себе, пропуская лимузин шефа, испуганное лицо старухи оказалось на уровне открытого заднего окна.

– Стой!!! – раздался наполненный ужасом голос банкира.

Геннадий Витальевич повернулся и испуганно замер – никогда он не видел своего шефа таким: бледное лицо, трясущиеся губы.

Сергей Иванович непослушными руками открыл дверь и пошел к старухе, подойдя, проглотил подступивший к горлу комок и прошептал:

– Мама!?

Женщина, пошарив у себя на груди, нашла сломанные очки на веревочке, приставила их к глазам и, схватившись руками за голову, закричала:

– Сереженька!!! Родной мой!!!

Он не плакал, когда был Туркой и когда был господином Бархударовым, не плакал никогда, но сейчас слезы лились ручьем, а банкир, прижав к груди эту старую женщину, не мог понять, как обходился без нее все эти годы, ведь она, несмотря ни на что, ждала его. Мать собирала милостыню, чтобы не умереть с голоду, а сын не знал, куда девать деньги, ее били бомжи, а сын находился рядом, за этим забором, под охраной тридцати вооруженных телохранителей.

Геннадий Витальевич Арбузов за семь лет службы у Бархударова впервые на минуту потерял контроль над ситуацией, но всего на минуту. Охрана тут же исчезла вместе с бомжами, он осторожно усадил плачущего шефа и его мать в подъехавшую машину.

– Домой! – приказал Арбузов шоферу, затем сделал еще несколько звонков.

– Как ты, мама? – спросил банкир, немного успокоившись. Перед глазами появились две рюмочки с коньяком, и секретарь тихим голосом предложил:

– Сергей Николаевич, Анна Максимовна, выпейте! Это вас успокоит.

Банкир вновь вздрогнул: если бы не его всезнающий секретарь, едва ли он вспомнил бы отчество матери. Одним глотком выпив содержимое рюмки, Сергей продолжал с сыновней любовью смотреть на мать, чтобы хоть как-то успокоить сидящего внутри палача, который раз за разом ударял ножом по его сердцу.

Мать осторожно, боясь расплескать содержимое, поднесла рюмку к губам и сделала глоток, тут же появилась развернутая плитка шоколада.

– Закусывайте, Анна Максимовна! – тихим голосом предложил Арбузов.

Она допила рюмку до дна, откусила кусочек, остальное заботливо завернула и положила в карман. А палач безжалостно полосовал своим ножом по сердцу банкира: за сломанные очки на веревочке, за положенный в карман кусок шоколада, за синяк под глазом.

– Ты что, Сереженька? – увидев вновь подступившие к глазам сына слезы, ласково прошептала женщина. – У меня все нормально.

– А папа? – со страхом спросил Сергей.

– С папой плохо: говорят, умрет скоро, сердце у него болит. Врач сказал, на операцию сто тысяч рублей надо. А где такие деньги взять?

Палач рубанул так, что слезы брызнули из глаз – цена жизни его отца равнялась бутылке коньяка, выпиваемой им ежедневно.

– Где он сейчас? – в очередной раз проглотив комок, спросил сын.

– В Петровке, в доме престарелых.

Перед глазами появилась спасительная рюмка.

– Сережа, ты много пьешь.

Ее голос прозвучал словно из далекой юности, когда она сказала эти слова впервые – тогда он не послушался.

Машина подъехала к его особняку, ворота тут же открылись.

Сергей вывел мать из машины, к ним подошла красивая женщина и улыбнулась доброй улыбкой.

– Мама, это моя жена Юля, – представил он, женщины обнялись, и на сердце стало легче.

Из дома вышла девушка лет двадцати.

– Твоя внучка, Ярослава, – с гордостью произнес Сергей Иванович.

Та подошла к старушке, поцеловала ее и с глазами, полными слез, прошептала:

– Бабушка, прости!

– За что, родная?

– За отца!

Банкир не чаял души в своей дочери, она была его счастьем и его совестью и сейчас произнесла ту фразу, которую должен был произнести он сам. Сергей понимал, сколько бы раз он ни повторял ее, она не окупала бы и одного дня, прожитого его матерью в унижении. Но сразу так легко и просто стало на сердце! Банкир подошел к матери и, как мальчишка, опустив голову, промямлил:

– Прости, мама!

– Вы что? – радостно улыбнулась женщина. – Я так рада, что мы встретились.

– А это мой сын, Артур, – представил Сергей Иванович подошедшего восемнадцатилетнего парня.

Затем пальцем подозвал высокого мужчину, служившего в его огромном доме в должности дворецкого:

– Вениамин Дмитриевич, это моя мать.

– Я понял, хозяин.

– Я уезжаю.

– Все будет в порядке. Банкир подошел к матери:

– Мама, я скоро приеду, это теперь твой дом, чувствуй себя хозяйкой.

– Сынок, а где можно помыться? И...

– Мама, – прервал ее сын, – здесь есть люди, которые будут отгадывать твои мысли.

– Прошу вас, Анна Максимовна, – подошел к ней дворецкий. – Я провожу вас в вашу комнату. Там есть ванная, туалет, новая одежда вашего размера и все остальное.

– Гена, – обратился хозяин к секретарю, – поехали в Петровку!

– Садитесь! Я уже сказал Валере.

Сергей Иванович чувствовал – сегодня судьба предоставила ему случай очистить свою душу от прегрешений. Многих людей он заставлял плакать, но сегодня слезы льются из его глаз, для многих он был палачом, но сегодня палач сидит в его груди.

Дом престарелых в поселке Петровка действительно напоминал барак. Во дворе с покосившейся изгородью пожилой мужчина мел двор.

– Эй, любезный, – обратился к нему Арбузов, – где ваша директриса?

– Она с утра в банк уехала помощи просить, до сих пор нет, – не поднимая глаз, произнес тот.

– А не подскажешь, в какой палате лежит Иван Кириллович Туркин?

– Что здесь подсказывать – у нас палата одна, – дворник указал на проем в ветхом здании. – Заходите в дверь и прямо, а направо – кабинет врача, он сейчас за старшего.

– Вам кого? – спросил появившийся на крыльце старик в белом халате.

– Ивана Кирилловича Туркина, – четким голосом повторил Арбузов.

– Он ваш родственник?

– Он мой отец, – твердо произнес Сергей Иванович.

– Отец, значит? – зло ухмыльнулся врач, окинув взглядом их дорогие костюмы и шикарную машину. – Что ж, идемте!

Банкир стал разглядывать стариков, обедающих прямо в палате, и палач вновь ударил по сердцу: его сильно постаревший отец отрезал ножом ломтик мятого помидора, отламывал кусочек черного хлеба и жевал беззубым ртом. Он окинул вошедших безразличным взглядом и стал старательно отрезать очередную дольку.

Сергей, вытирая слезы, подошел к отцу, встал на колени:

– Здравствуй, папа!

Рука старика с помидором застыла в воздухе, глаза расширились, и он стал медленно сползать с кровати, ловя воздух ртом.

– Помоги! – зло крикнул банкиру доктор.

Они положили старика на кровать, и доктор, вытащив из кармана одноразовый шприц, сделал больному укол.

Отец, открыв глаза, встретился взглядом с сыном. В них не было упрека, в них была радость и надежда, последняя надежда приговоренного к смерти.

– Спасибо, сынок, что нашел! – прошептал старик, улыбнувшись. – Ты заберешь меня? Здесь мне долго не прожить.

– Конечно, папа, мы сейчас же поедem в самую хорошую больницу, тебе сделают операцию. Вся будет отлично, обещаю! – и, повернувшись к доктору, спросил. – Я смогу забрать отца?

– Да, пусть полчаса полежит, скоро приедет Ирина Константиновна и оформит ему документы, – затем, вынув из кармана халата две ампулы, со злостью произнес: – Если передумаешь, он умрет – у меня всего два укола осталось, и неизвестно, выбьет ли Ирина деньги на лекарство.

И вновь безжалостный палач ударил по сердцу банкира: жизнь его отца равнялась даже не бутылке хорошего коньяка, а стакану дешевой водки.

Между тем сердце старика забилося ровно, дыхание восстановилось, и он сел на кровати.

– Папа, ложись! – попросил сын.

– Все нормально! – успокоил доктор. – В ближайшие два-три часа с ним ничего не случится.

– Давно у тебя проблемы с сердцем? – спросил Сергей.

– С прошлого года, когда нас с матерью какой-то бизнесмен из дома выгнал, а взамен дал однокомнатную квартиру в бараке. После этого у меня сердце и заболело, а по весне съездил туда, а тот весь наш дом разрушил, что-то начал строить, после этого я совсем слег. Дом-то неплохой был, вот только забор упал, а на новый денег не хватало. Я все мечтал: вернулся бы сын, забор поставил. Мы с матерью все представляли, как ты доски к забору приколачиваешь. А ты мать видел?

– Папа, она у меня, не беспокойся!

– Молодой человек, – вдруг встрял в разговор сморщенный старичок с соседней койки. – Вы поесть не принесли?

Банкир посмотрел на секретаря. Рядом с ним стояла огромная сумка, похожая на те, в которых продавцы возят на базар свой товар:

– Сергей Иванович, я на всякий случай захватил.

– А что стоишь?

Раздвинули кровати, убрали тумбочки и между ними поставили огромный стол, на котором тут же появились яства, о которых многие старики и не подозревали. Арбузов вытащил литровую бутылку водки и вопросительно посмотрел на доктора.

– Если хорошая, то можно, кроме Ивана Кирилловича и Васильева, им можно лишь граммов по пятьдесят коньяка, и то очень хорошего.

Секретарь предусмотрел и это.

Сергей Иванович, обняв отца, смотрел на стариков, уплетающих буженину и швейцарский сыр, и вспоминал свое детство.

– Извините, я отлучусь! – произнес доктор. – Там Ирина Константиновна приехала.

– Илья Тимофеевич, в чем дело? – спросила Ласточкина вошедшего в ее кабинет врача. – Кто приехал?

– Банкир Бархударов.

– Кто???

– Бархударов. Оказывается, его отец у нас находится, Иван Кириллович. Он об этом и не знал. Там у них какая-то странная история.

– Иван Кириллович – отец Бархударова??? – удивленным голосом спросила не пришедшая в себя женщина. – Этого зажавшегося банкира? Я его порву сейчас.

Тут дверь открылась, и в кабинет вошел Геннадий Витальевич Арбузов.

– Папа, прощайся с друзьями! – попросил отца Сергей Иванович. – Мужики, нам пора. Он обнял отца за плечо и повел.

– Сынок, а вещи мои? – испуганно произнес отец. – Деньги у меня там, триста рублей, и бритва совсем новая.

– Папа, пусть все здесь останется!

И они пошли под завистливыми взглядами несчастных стариков.

– Сережа, давай зайдем, я с Ириной Константиновной попрощаюсь и с доктором!

Ирина Константиновна встретила взглядом с банкиром, теперь хозяйкой была она, ей хотелось наговорить ему грубостей, но возможность поправить жизнь оставшихся стариков взяла верх над эмоциями, да и сам банкир выглядел каким-то другим.

– Ирина Константиновна, вы извините меня, я сегодня утром обидел вас! – произнес банкир тихим голосом.

– Хорошо, Сергей Иванович! Вижу, у вас сегодня вся жизнь перевернулась.

– Это вы точно заметили, Ирина Константиновна. Напишите, что вам необходимо, и вы, Илья Тимофеевич, составьте список всех лекарств.

– Может, и здание поможет отремонтировать? – спросила директриса. – Конец июля, скоро осень, старики болеть начнут, и до весны половина из них не доживет.

– Нет, это здание ремонтировать не буду, – подумав, ответил Бархударов. – Я новое построю.

– Новое?! – вскрикнула Ирина Константиновна. – Но они до зимы не успеют построить.

– Они, может, и не успеют, – усмехнулся банкир, – а у меня строят моментально, через пару месяцев все будет готово.

Иван Кириллович все еще не верил в происходящее: санитар моет его в ванне, медсестра берет кровь из пальца и вены, другая стоит рядом со шприцем наготове.

Старика аккуратно положили на хирургический стол. Подошедший хирург ободряюще улыбнулся:

– Не бойтесь, операция будет проходить даже без общего наркоза! Посмотрите на экран, я вам все объясню, и вы будете наблюдать за ходом операции.

Иван Кириллович посмотрел на экран, находящийся в ногах за операционным столиком, и стал внимательно слушать врача.

– Говорить я буду по-простому и вы все поймете, – продолжал хирург. – Около сердца у вас образовалось сужение просвета аорты – самого большого сосуда, по которому проходит кровь. Через небольшой разрез в области паха под рентгеновским контролем мы введем в место сужения стент – тонкую металлическую трубочку, состоящую из проволочных ячеек. С помощью специального баллона мы раздуем стент, он расширится и увеличит просвет аорты. Нормальное кровоснабжение сердца восстановится, и вы навсегда забудете о своей болезни. Увидеть весь ход операции вы сможете на экране.

Старик наблюдал за ходом операции на экране, отвечал на вопросы хирурга, до конца не понимая, что происходит.

Неделю Анна Максимовна жила в огромном доме сына и, как человек, всю жизнь проведший в работе, старалась сделать для новой семьи что-то приятное: сегодня, например, наварила три трехлитровых банки вишневого варенья, она просто не могла смотреть на висящие под окном огромные вишни. Одно лишь раздражало – всю работу за нее выполняли другие. Ведро ягод принесли, едва об этом сказала, косточки выдавили, вишни положили в кастрюлю, а теперь этот здоровый парень закатывает крышки.

«После обеда старик мой приедет, – думала она. – Надо ему позвонить, а я так и не могу разобраться, как этот телефон работает. Внук! Сейчас будет над бабушкой смеяться».

– Артур, позвони деду.

– Бабушка, – покачал он головой, улыбнувшись, – нажимай зеленую кнопку! Читай!

– Муж.

– Нажимай! Жди! Говори!

– Ваня, как ты?.. Собираешься?.. Жду.

– Бабушка, а чем вы здесь занимаетесь?

– Варенье варим. Зимой вишни не будет, будем чай пить.

– Круто! – промолвил внук, пробуя варенье. – Никогда в жизни не ел.

– Артур, а куда отец-то твой делся? Третий день не видно.

– Это секрет. Сейчас дед приедет, и поедем смотреть, какой он вам сюрприз подготовил. Дед приехал через полчаса, в сопровождении жены обошел дом.

– Как тебе все это? – спросила старушка.

– На честно заработанные деньги такие хоромы не построишь, – вздохнув, ответил муж. – А как он их тратит!

– Ты, старый, еще не знаешь, как он их тратит, – у него одних машин штук десять.

– Знаешь, Аня, я все вспоминаю наш домик. Хороший ведь был, большой. Когда мы его строили, думал: вырастет Сергей, женится, приведет жену, внуков будем нянчить.

– А этого тебе мало? – она показала рукой на трехэтажный коттедж, напоминающий дворец. – И сноха есть, и внуки.

– Тебе-то самой нравится?

– Нравится-то оно нравится, но с ума мы здесь сойдем.

– Иван Кириллович, Анна Максимовна, – ровным голосом промолвил бесшумно подошедший дворецкий, – нам нужно собираться, Сергей Иванович ждет вас.

– Куда собираться-то?

– Не велено говорить, Сергей Иванович приготовил вам сюрприз.

Два часа шофер вез куда-то стариков, впереди и сзади ехали еще две машины: со снохой, внуками и охраной, в салоне рядом с водителем сидел врач.

– Слушай, Ваня, куда мы едем? – спросила она мужа.

– Аня, мне кажется, сейчас случится что-то невероятное – это наш поселок. Изменился он сильно, вот ты и не узнала.

Действительно, поселок их изменился: кругом огромные коттеджи – протекающая рядом речка и свежий воздух притягивали сюда уставших от городского шума сильных мира сего. Машины остановились, им помогли выйти из салона. Старики стояли, как каменные изваяния, боясь промолвить слово: за забором был дом, их дом, точно такой, каким его построили сорок лет назад, даже краше, а их сын в одних старых джинсах, широко размахивая рукой, приколачивал к забору очередную штакетину.

Александр Чураков Офисбол

Дымящаяся чашка кофе помогала утру не стать кошмаром. Пока что она блестяще справлялась с этим – последние несколько месяцев. Артем проснулся, как обычно, в районе девяти и поставил чайник. Умылся, сделал зарядку, выглянул в окно. Метель заметала проезжую часть, и на обочине уже образовались солидные сугробы. Парню казалось, что он слышит, как нервные водители матерятся за рулем.

«Во всяком случае, у меня нет их проблем», – подбодрил он себя. На кухне щелкнул чайник. Залив кофейные гранулы кипятком, Артем вернулся с чашкой в комнату и сел за компьютер. Посмотрел, не пришло ли откликов на его резюме. Сегодня был четверг, и надежды, что до конца недели с ним свяжутся, таяли на глазах. Пять месяцев, прошедших с момента окончания вуза, прошли в тщетных попытках трудоустроиться. Работать по специальности технарем он не хотел. Парень сделал небольшой глоток, с минуту посерфинговал пустым взглядом по страницам соцсетей, затем в унынии отключил компьютер, чтобы пойти смотреть телевизор. Так обычно продолжалось до тех пор, пока в районе обеда не приходил отец. Он работал преподавателем на факультете радиомеханики. Артем научился определять его приход по ковырянию ключом в замочной скважине.

«Где пропал?» – устало спросил Артем, зайдя к батю. Сегодня тот задержался на час с лишним.

«Забежал на факультет защиты информации. Поспрашивал о вакансиях», – объяснил отец, вешая пальто в коридоре.

Артем стукнул себя по лбу. «У нас же был этот разговор уже», – сказал он, стекая по дивану.

«Все лучше, чем тебе киснуть в своем Интернете», – заметил отец, снимая ботинки. На вид ему было лет пятьдесят. Пышные усы и бодрый взгляд выдавали в нем живчика и оптимиста.

«Я не кисну, а работу ищу». – «Работать тоже собрался в Интернете?» – «Не знаю. Нет». Отец прошел в зал и сел с сыном на диван. От него пахло старыми учебниками и веяло уличным холодом.

«Не понимаю, чего ты не хочешь ко мне на кафедру пойти? Все в какой-то бизнес тянет». Артем, как струнка, выпрямился на диване. Они скатывались на извечный спор. «Потому что только там деньги, понимаешь? Там уважение. И карьера». Отец улыбнулся понимающе. «Потому, я всего этого лишен?» – «Да нет. Просто ты в другое время жил». – «И что?» – «А то, что в ваше время бизнес и финансы вообще словами иностранными были». – «Были. И остаются», – отец вздохнул. – «И, как видишь, живы остались». Артем, уставившись в окно, процедил сквозь зубы: «Никогда себе не прощу, что на экономический не пошел». – «Ты же знаешь, что мы бы не потянули», – напомнил отец. «Плевать. Надо было на бюджетный пробиваться», – выпалил Артем. «У тебя отличное техническое образование». – «Пап, не начинай. Ну куда я с ним?» – затаил он. Разрушительная энергия пробудилась в груди после спячки. Отец вытянул ноги и скрестил руки за головой. Затем пристально посмотрел на сына. «Может, я и в другое время жил. Но жизнь как была жизнью, так ею и осталась». Тот, посмотрев на него, скривился в гримасе. «Вот что это значит? Как понимать?» – «Это значит, – объяснил отец, – что образование – еще не билет в жизнь». – «А что?» – Отец задумался, глядя в потолок, затем повернулся к сыну. «Маршрутное такси. Подбрасывает тебя вместе с другими пассажирами на нужную остановку». Парень изобразил пистолет у виска. Отец смотрел на сына, игриво

улыбаясь. «А дальше сам», – заключил он, разводя руками. Артем промолчал, снова переводя взгляд в сторону.

«Ел чего?» – спросил батя через паузу.

За обедом они перекинулись несколькими фразами, пока отец, прожевывая хлеб, не продолжил их давний разговор.

«Вот ты все в бизнес тянешься. На кого-то работать хочешь». – «Ну?» – не поднимая от супа головы, промычал Артем.

«Взял бы да сам бизнес сделал». Тот хмыкнул. «Ты считаешь, что все так просто?» Отец посмотрел исподлобья, остановив ложку у рта: «Иногда все действительно просто». – «Ну нет. Только не в бизнесе». Артем откусил от хлеба изрядный кусок. Отец отправил в рот очередную ложку с борщом. «А чего терять-то?» Артему в самом деле было нечего терять. Он согнулся над супом, не зная, что ответить.

«Ну хорошо, не можешь придумать свой бизнес – пойдешь на хитрость», – сказал отец.

«Какую хитрость?» – «Ты же говоришь, что всему виной твое образование, так?» – «Так». – «Ну а я считаю, что образование тут ни при чем, так?» – «Так». – «Вот и давай проверим меня». – «Это как?»

Артем отвлекся от тарелки, приопустив ложку. «Ты не думал о том, чтобы... скажем так, придумать себе образование?» – «Ты че, шутишь?» – взорвался тот, болезненно усмехаясь, – «Да нет. На нашем преподавательском жаргоне это называется „нарисовать резюме“». Артем откинулся на стуле, щурясь на отца и сложив руки на груди. «И это мне говорит отец-преподаватель?» – «А что? Если это сделает моего сына счастливым, я не против погореть в аду». Артем вернулся к борщу, давая понять, что не видит смысла продолжать разговор. Отец уловил настроение и не стал налегать. Пообедав, он пошел проверять курсовые, а Артем скрылся в своей комнате.

В лицо ему смотрел черный выключенный дисплей, предлагая включить его. Когда Артем противился этому и выдумывал другие занятия, дисплей начинал умолять, затем бросался на колени, грозясь выпрыгнуть из окна, если его не вернут к жизни. Тогда Артем сжался и нажимал кнопку, вслед за чем погружался в онлайн. Разговор с отцом, однако, засел в голове. Все, чего ему не хватало, – это шанса на удачу, счастливого случая. «Нужно бить головой об стену, – любил повторять батя, – пока не разобьешь голову. Или не разобьешь стену». Уставившись в потолок, Артем вдруг решился. Завтра, на свежую голову, он посмотрит, как можно подправить резюме. А пока он решил немного отвлечься. Хобби, которое Артем придумал однажды, приклеилось и постепенно затягивало. На столе рядом с монитором лежала копия его дипломной работы. Она стала для него символом неудачно выбранного образования. С недавнего времени Артем заметил, что по мере того как он комкает листы и уничтожает дипломную страницу за страницей, на душе становится легче. Негатив в виде лишней энергии выходил, забирая все отрицательное, что оставалось внутри. Вначале он просто рвал листы на мелкие части. Затем, когда накопилась изрядная стопка мелких бумажных обрывков, они стали разлетаться по комнате и их было сложно собрать. Тогда он стал комкать страницы, изо всех сил сжимая их в кулаке. Когда целая груда набиралась на столе и начинала загораживать дисплей, Артем стал сбрасывать скомканную бумагу в корзину для мусора, которая стояла под столом. Спустя несколько дней интереса ради он передвинул корзину в дальний угол комнаты и начал прицельными бросками отправлять бумажные шары в нее, как в баскетболе. Через некоторое время он придумал изображать из себя спортивного комментатора, сопровождая броски сметливыми фразами.

«Пас на Джордана. Джордан – два шага и у кольца», – наращивал он интонацию, как это делали профессионалы. «Джордан. Джордан! Что творит Джордан! О Боже, это гол!» – вос-

клицал он, резко выдыхая в конце, и вскидывал вверх руки, когда скомканный мяч оказывался в корзине. Раз за разом баскетбол с бумажными шарами, смятыми из дипломной работы, становился все увлекательней. Чем меньше становилась дипломная, тем приятнее было на нее смотреть. «Совсем другое дело», – глядел он на нее, вспоминая бессонные ночи, проведенные за ней. «Все равно от тебя пользы нет», – говорил он, обращаясь к аккуратно сложенной стопке бумаги. Средство борьбы с депрессией работало эффективно, и сегодня, когда отец подкинул ему идею, Артем играл особенно остервенело, часто подкатываясь на стуле к корзине. В голове у него созревала план. Он перемежал игру трехочковыми, когда откатывался в дальнюю часть комнаты и прицельно бросал издали. Когда корзина наполнялась, это означало, что период окончен. Не проходило и дня, чтобы Артем не придумывал все новые правила. Они выскакивали в голове сами, как озарение, и парень часто думал, что неплохо бы их записать и как-то систематизировать. Когда, прямо во время игры, его посетила очередная задумка, он вначале пробовал осуществить ее на практике и затем только включал в свод правил. Особой гордостью было наличие финтов, которые Артем охотно изобретал. Согласно правилам каждый финт добавлял определенное количество бонусных очков. Однако если финт не удавался, то очки сгорали вдвойне. До сих пор самым сложным считался финт с забрасыванием мяча в корзину из-за спины с легким подкручиванием для зрелищности. Помимо этого, были фишки с подбрасыванием на ногу, на голову, кручением на пальце, хотя последнее получалось весьма редко.

Следующим утром повторилась привычная бесцветная рутина. И когда Артем увидел, что новых писем в почтовом ящике нет, то решился окончательно. Он зашел в файл своего резюме и, нажав кнопку *Delete*, стер большую часть информации. Накануне, лежа в постели, он уже продумал приблизительную канву для своего нового «образа». Через полчаса творческих усилий и логических выверений «образцовое» резюме было готово. Артем не знал почему, но чувствовал облегчение. «Во всяком случае, попробовал», – сказал он вслух и нажал кнопку «Отправить». «Письмо успешно отправлено» высветилось на мониторе. Артем взял лист дипломной, скомкал его резким движением ладони и прицельно бросил в корзину. Два очка он записал на счет. Взгляд его упал на мобильник, который пока молчал. Артем выбрал для своего эксперимента крутую аудиторскую контору, которая имела отделения по всему миру. Фирма предоставляла хороший пакет, оплачивала фитнес и обеспечивала рост своих сотрудников. То, о чем он мечтал. Со своим старым резюме он никогда бы не решился отправить туда заявку на вакансию. Теперь, когда дело было сделано, он задумался над тем, что ничего не смыслит в аудите, хотя в резюме указал профильное образование. Тогда Артем снова скомкал лист и, сделав финт, кинул его в сторону корзины. Бумажный мяч послушно залетел внутрь. «И он становится главным бомбардиром матча!» – комментаторским голосом Артем победно объявил себя воображаемой публике. На душе возникло ощущение, что все будет хорошо. Довольный, он отправился завтракать. Не успел он выйти, как зазвонил мобильный телефон, и Артем вздрогнул. Былые страхи пробудились, и сердце забилося как ненормальное. «Але?» – старался он унять дрожь. На том конце был приятный женский голос. Девушка представилась сотрудницей HR-отдела той самой компании. У парня дыхание перехватило от волнения, но он сделал над собой усилие. Девушка была профессионалом – по части как холодных звонков, так и психологии общения. За две минуты она задала уточняющие вопросы и предложила встретиться в офисе. «Конечно, я могу в понедельник», – еле сдерживая радость, произнес Артем.

Положив трубку, он еще долго не мог прийти в себя. От радости он скомкал дипломный лист и сделал мощный бросок в сторону корзины. Шар ударился об стену и отскочил к середине комнаты. «Промазал!» – рассмеялся он, едва удерживая себя на стуле. Когда понял,

что не может усидеть, то начал бегать по квартире, подпрыгивая и напевая. Через пять минут, когда адреналин немного выветрился, Артем почувствовал укол страха. «Если меня будут проверять, я ж ни черта не знаю», – спохватился он. Краска залила лицо. Позор, еще и публичный, был хуже любой неизвестности.

Он ничего не сказал родителям. Съездил в книжный и закупил пособий по аудиту. Все выходные просидел, заваленный учебниками. И только иногда развлекал себя бросанием бумажных шаров в корзину. Чаще всего они либо не долетали, либо отскакивали от стены. В воскресенье вечером он лег пораньше, но уснуть не мог. Ворочаясь с боку на бок, Артем вспоминал зазубренное. Что будет завтра, он не знал.

Вернувшись домой после собеседования, он повалился в бессилии на диван. Уставившись в потолок, завис на минуту. К удивлению, в ходе интервью едва ли прозвучал хоть один вопрос про аудит. Даже про образование спросили как-то вскользь и быстро перескочили на личные качества, жизненные устремления и то, кем он видит себя через пять и десять лет. На форуме Артем прочитал, что эти вопросы были самыми провокационными, потому что от того, как на них ответишь, во многом зависело, возьмут ли тебя. Кто-то писал, что нужно с ходу отвечать: «Директором фирмы», но комментарии, которые следовали под записью, предостерегали от подобных ответов. Сторонники этой точки зрения делали ставку на осторожность, но предупреждали не переборщить. В итоге Артем окончательно запутался. На собеседовании он ответил, что ожидает от себя только роста и однажды надеется дорасти до руководящей должности. «А однажды – это через сколько?» – уточнила девушка-интервьюер. «Пять лет для меня – рубеж», – ответил Артем, скрестив пальцы под столом. Два дня протянулись в напряжении еще большем, чем когда он готовился к собеседованию. Наконец раздался телефонный звонок. «Макаров Артем?» – это был новый голос, но из той же фирмы. – «Да». – «Мы рассмотрели вашу кандидатуру. И готовы принять на испытательный срок». Голос был дружелюбным, но сдержанным. Артем закрыл ладонью рот, чтобы не вскрикнуть от восторга. Он помнил про заветы отца. Вежливо поблагодарив за принятое решение, он задал несколько уточняющих вопросов – об этом тоже прочитал на форуме – и повесил трубку. Заорав от счастья, он кинул ее с силой в диван и побежал в свою комнату. Не переставая кричать, перемежая это баскетбольными комментариями, он начал комкать листы и забрасывать их в корзину, то подбегая к ней вплотную, то отходя в противоположный угол. Сразу несколько финтов родилось машинально друг за дружкой. Он забросил еще несколько шаров, после чего начал метаться по квартире как сумасшедший. Когда, спустя десять минут, силы иссякли, он в слабом истощении повалился на диван. «Три очка, – прошептал он. – Джордан забивает».

На следующий день начиналась его карьера в аудите. Он не спал полночи, думая о том, что ждет его в первый день. Благодаря возбуждению и кофеину с утра, он чувствовал себя огурчиком. Надев все самое лучшее – костюм, который пылился в гардеробе с момента выпускного, – Артем приехал в офис на полчаса раньше. К его удивлению, кто-то из сотрудников уже был там. Во время интервью у него не было возможности разглядеть интерьер офиса, так как его сразу провели в переговорную. Сейчас новым взглядом Артем изучал место работы. Офис был шикарным и просторным и был разделен на кабинки. Компьютеры – самые новые, мебель – весьма эргономичная. Тут и там в больших горшках стояли экзотические растения, вносящие колорит в классическую офисную обстановку пастельных тонов. Из семи рабочих мест два были уже заняты. За одним сидел молодой парень, утонув в компьютере. Напротив – девушка с каштановыми волосами и уставшим взглядом. Парень выплыл из монитора и вяло посмотрел на Артема, промямлив что-то типа «здрасьте». Девушка вскочила с места и попыталась изобразить энтузиазм, хотя еле держалась на ногах.

«У нас сейчас отчетность», – объясняла она. – «Столько хлопот. Столько бумаг». Артем вежливо улыбался, оглядывая помещение. «Скоро придет Елена. Она будет вашим куратором», – сказала девушка, представившись Евгенией. Она познакомила его с парнем в углу. Это был Игорь, системный администратор. «Заметно», – чуть не сорвалось с губ Артема. Он сдержал улыбку. Начали подходить остальные сотрудники. Они знакомились с ним как-то бегло и тут же натягивали офисную маску, погружаясь в работу. Наконец пришла Елена. На вид ей было лет тридцать пять. От нее пахло смесью французского парфюма и табачного дыма. Голос чеканен и слегка властен. Пышные светлые волосы спадали на плечи в изящной завивке. Познакомившись, она сразу дала понять, что испытательный срок – это еще не устройство на работу, и прежде чем его допустят до чего-то существенного, необходимо будет пройти подготовку с экзаменом на получение сертификата. Это устраивало Артема, который понятия не имел, с чего начинается аудит. В речи Елены прозвучало много незнакомых слов, и он постарался запомнить их все, чтобы потом погуглить. «Одного из наших сотрудников переводят в офис в Киеве. На его место и сядете». – «Угу», – кивал Артем. «А пока Дмитрий оформляется, – сказала Елена, показывая на кресло, в котором сидел дородный парень с небольшой залысиной, – придется посидеть в переговорной», – она состроила жалобный взгляд. «Что ж, это бизнес», – пожал плечами, стараясь шутить, Артем. Он обнажил белые зубы, но Елена, кажется, не поняла юмора: – «Какие-то вопросы у вас будут сейчас?» У него не было вопросов, и она провела его в переговорную, затем удалилась, и через несколько минут принесла огромную папку с бумагами. Ощувив, как воздушный поток, спасаясь от тяжести падающей на стол кипы, обдаёт его лицо свежестью офисной бумаги, Артем невольно отпрянул. «Не бойся, у тебя три месяца, чтобы проштудировать это», – настал черед Елены шутить. Незаметно она перешла на «ты». Елена показала на кулер, сказав, что он может пить воду сколько хочет, объяснила, как устроен режим питания сотрудников фирмы, уточнив, что Артем может удаляться на обед в любое время, только предупредив ее. «Как ты понимаешь, я буду твоим ментором на период стажировки», – улыбнулась она пластиковой улыбкой. Артем улыбнулся в ответ, и улыбка на этот раз получилась немного кислой. «Да, и последнее, – встревоженно добавила она, выходя из переговорной. – Старайся не попадаться на глаза Виктору Сергеичу. У нас сейчас напряженка с отчетностью, и он еще не знает про новенького». – «О'кей», – сказал Артем, стараясь не задавать лишних вопросов. Девушка напоследок улыбнулась и пропала на весь оставшийся день. Артем не знал, что конкретно ему надо делать, и стал методично проглядывать листы, которые лежали перед ним. Каждая последующая страница становилась тяжелей, наливаясь свинцом. Так тянулся день, и никто к нему даже не заглянул. Артем одолел всего девять страниц, из которых мало что понял. В них было много цифр и неясных слов. «Подразумевается, что ты универ кончил», – объяснял он себе саркастически. Когда Артем выходил в туалет, то ощутил суету, которая всколыхнула офис. Вернувшись в переговорную, он приоткрыл жалюзи, чтобы понаблюдать за тем, что происходит. Оказалось, все взволнованы приходом начальника. Виктор Сергеич приехал из важной командировки и вроде бы не в духе. Когда шеф вошел в офис, все затихли. Он был высок, и весь его вид выдавал босса. На нем был дорогой приталенный костюм, рубашка в клетку и тонкий галстук. Это молодило его и с видимых сорока пяти – пятидесяти скидывало возраст до сорока. Пристальный орлиный взгляд пролетел по офису, глаза сверкали демоническим огнем, схватывая и обрабатывая информацию на ходу. Шеф поздоровался со всеми и, оценив обстановку, спросил об успехах. Как буря ворвавшись в помещение, он так же быстро скрылся в кабинете, оставив турбулентные потоки перемигиваний и многозначительных взглядов после себя. Секретарша Марина тут же схватила толстенную папку и скрылась следом за ним. Оттуда резко послышался гневный окрик, и через секунду Марина как ошпаренная выскочила наружу. «Говорит, не дергать», – шепотом сказала она, показав жестом, что босс не в духе. Артем опустил створки жалюзи и вернулся за стол. Прошло три с половиной часа его чтений. Елена объ-

яснила, что перед ним основной документооборот за последний год, большей частью статистический отчет. «Научись с этим иметь дело – сможешь здесь работать», – сказала она. Артем вздохнул и подошел к кулеру, чтобы набрать воды. Время здесь тянулось еще медленнее, чем дома, где у него была хотя бы дипломная с корзиной.

Первый день закончился, и Артем почувствовал, будто неделей, а то и двумя в его жизни стало меньше. Когда он уходил из офиса, половина сотрудников еще работала, хотя рабочее время уже истекло. Елена кивком разрешила идти, даже не подняв головы. Придя домой, Артему пришлось отбиваться от вопросов, которыми забрасывали родители. Оба были безмерно рады, что сына взяли, и мама накрыла праздничный стол. Она так и сияла. «Мой сын – бизнесмен», – повторяла она, когда все расселись. Артем рдел и поправлял: «Мам, ну не бизнесмен еще». – «Как это?» – не понимала она, накладывая оливье с пюре. «Ну, я на испытательном пока. Сижу, ниче не делаю». – «Поэтому она и говорит: бизнесмен», – вмешался отец, отправляя в рот ложку с картошкой. «Очень смешно», – передразнил Артем. «Сын, ну а ты как хотел? Чтобы в первый день тебя на переговоры отправили?» – «Мне рабочего места не дали», – возмутился Артем. – «Тем, папа прав, – вмешалась мама. Голос ее был полон заботы. – Это только первый день. Дальше проще будет». «Куда уж проще», – пробурчал Артем, уткнувшись в тарелку.

Но следующий день был ни проще, ни сложнее. Он мало чем отличался от предыдущего, за исключением того, что вода в кулере закончилась и приходил работник, чтобы ее поменять. Его сине-оранжевая униформа была самой яркой картиной за весь день. Что до кипы бумаг на столе, то Артем продвинулся всего на четыре страницы: в разделе про статистику было много таблиц. Все они сводили его с ума. Так прошло еще три дня. В конце недели Артем чувствовал себя выжатым как лимон, хотя толком ничего не делал. Родители продолжали успокаивать, обещая, что работа придет. После ужина парень шел в свою комнату и комкал листы дипломной, спасаясь от однообразия, преследовавшего его жизнь.

Наступили первые выходные, и Артем надеялся, что новая, вторая неделя хоть чем-то будет отличаться от первой. «Если этот Дмитрий не уехал, – говорил он себе, собираясь на работу в понедельник, – я сам упакую его чемоданы. И провожу в аэропорт». Выходя из комнаты, он уронил взгляд на остатки дипломной, лежавшие на столе. В дальнем углу стояла пустая корзина. Дерзкая мысль игриво скользнула в сознании. «А че б нет?» – ухмыльнулся он и сгреб листы дипломной со стола. Убрав их в сумку, он вышел из дома.

Придя на работу, Артем убедился, что Дмитрий на месте и уезжать пока никуда не собирается. У Елены были глаза, будто с пятницы она оставалась в офисе, и Артем боялся, что так и есть на самом деле. Он забурился к себе в переговорную, какое-то время для вида полистал аналитический отчет, затем потянулся за сумкой. Достав оттуда поредевшую дипломную, он впервые за долгое время улыбнулся. В дальнем углу переговорной была корзина для мусора, которую Артем присмотрел уже давно. Коротким профессиональным жестом он скомкал лист. Тот мгновенно в натренированной руке превратился в грубой формы шар, и Артем легким и плавным движением отправил его в корзину. Шар описал идеальную дугу и упал внутрь. «Маэстро Джордан, вы в ударе!» – продекламировал Артем, крутанувшись на стуле. Он сделал еще несколько удачных бросков, сопроводив их финтами. Все они попали в цель. «Что это? – обращался он к себе, – я стал лучше играть?» И вправду было ощущение, что броски приобрели машинальный, отточенный характер. «Сегодня мы играем на выезде», – объяснял он перед очередным броском. Ощущение, что он играет здесь, в офисе, вдали от родных стен, добавляло всему мероприятию азарта и драйва. Впервые Артем вытащил игру за пределы

дома, и то, как она прижилась и вписалась в офисные стены, ему нравилось. Корзина меж тем наполнилась. «Мы побеждаем. Побеждаем!» Он отвлекся, возвращаясь в реальность, и осторожно подошел к жалюзи, чтобы проверить, что происходит там, на работе. Но там по-прежнему ничего не менялось, и люди, как роботы, сидели перед мониторами. Вернувшись за стол, он чуть не вскочил снова. К нему вдруг пришло название игры. «Ну конечно, – расплылся он в ухмылке. – Офисбол». Элегантно сопроводив шар в корзину, он, как горилла, постучал себя руками по груди. – «Я – чемпион по офисболу!» С этой мыслью он и не заметил, как пролетел день. И следующий. И последующие три – вплоть до конца недели.

Офисбол развязал его затекшие мышцы, расслабил нервы и придал позитивный импульс общему настрою. Артем стал выходить из своей каморки все чаще. Он был настолько весел и бодр, что стал подходить к коллегам, в том числе Елене и Дмитрию. У последнего он не побоялся даже спросить, когда тот уезжает, и Дмитрий ответил, что через месяц. С этого момента началось их неформальное общение. «Слушай, раз ты собираешься сесть на мое место, давай я расскажу тебе пару хитростей про специфику работы», – предложил Дмитрий. Даже Елена, к удивлению Артема, проявила отзывчивость и стала чаще ему улыбаться. Как-то вечером она похвалила его и сказала, что он молодец, что налаживает контакты с коллективом. Оказывается, это было частью его испытательной программы. «Самая моя любимая часть», – шутил Артем, и теперь уже Елена смеялась. Офисбол расставил для него все по своим местам. Артем старался отдалить тот день, когда уедет Дмитрий и ему придется сесть на его место. Виктор Сергеич был так же напряжен, и Артем сам не хотел попадаться ему на глаза. Он приходил и уходил поздно и все время что-то требовал. Когда дипломная иссякла, Артем приспособил под офисбол свои бывшие курсовые. Елене он говорил, что отчет достаточно труден и он не спешит пролистать его как можно быстрее. Парень заметил, что рабочие документы хорошо читаются дома, куда он и стал их брать. На работе же он продолжал совершенствовать навыки игры в офисбол. Вот он уже меняет положения корзины, вот он забивает из-за головы, из-за спины, с наброса на ногу. Так рождаются все новые и новые финты.

К концу первого месяца Артем осмелел настолько, что стал брать музыку с собой на работу. Его смелость была вызвана тем, что он начал вникать в отчет, с которым должен был ознакомиться за время стажировки. Уловив логику аудита и прочитав еще пару книжек на эту тему, он не стеснялся задавать уточняющие вопросы Елене и Дмитрию. Парень все больше жалел, что тот уезжает работать в Киев. Как выяснилось, это был родной город Дмитрия, там он закончил школу. По-прежнему половину рабочего дня Артем уделял офисболу. Когда голова начинала закипать от налоговых и аудиторских терминов, он отодвигал отчет и доставал очередную курсовую, из которой создавал инвентарь для офисбола. Вскоре пустая корзина заполнялась бумажными шарами, ловко заброшенными туда создателем офисбола.

Однажды, в разгар очередного периода игры, когда Артем с наушниками в ушах и скомканным мячом в руках целился, чтобы сделать бросок, дверь открылась, и вошел Виктор Сергеич в сопровождении еще нескольких человек. Они пришли на срочное совещание, и Елена не успела его предупредить. Артем не видел их, потому что сидел спиной, и не слышал, как открылась дверь, потому что музыка заглушала посторонние звуки. Он настолько привык, что переговорная принадлежит ему и никому больше, что не ожидал внезапного вторжения на свою территорию. «Джордан пробивает штрафной», – сопровождал он бросок своим комментарием. Группа, вошедшая в переговорную, состояла из управляющих партнеров нескольких известных фирм, Виктора Сергеича и Елены. Став свидетелями этой сцены, они застыли на месте, переглядываясь. Артем в это время сделал финт, подкинув шар, изогнув руку и поймав его внешней стороной предплечья, а затем резко выпрямил ее и отправил шар в сторону

корзины. Тот подскочил вверх, описал красивую траекторию и попал прямо в цель. «И Джордан забивает! Какой мяч!» – комментировал нараспев Артем, после чего начал стучать ногами по полу.

«Это кто?» – спросил каменным голосом Виктор Сергеич. Его гости сдерживали улыбки, украдкой переглядываясь. Елена покраснела с ног до головы. На секунду она замешалась. «Что за Джордан, я спрашиваю?» – недовольно повторил он вопрос. «Это наш стажер», – промямлила Елена, натягивая улыбку. Она хотела что-то объяснить, но Виктор Сергеич перебил: «С каких это пор мы берем на работу баскетболистов?» Гости не удержались от сдавленных смешков. Елене, однако, было не до смеха. В это время Артем резко крутанулся на кресле на сто восемьдесят градусов и увидел своих зрителей. Задор моментально завял на его лице, сменившись ледяным ужасом от того, что его застучали. Он почувствовал себя преступником, которого застали на месте преступления. Ситуация усугублялась тем, что он не слышал, как они вошли, потому что в ушах всюду шумел рок-н-ролл. Вскочив с места, вытаскивая наушники дрожащими руками, Артем не знал, что сказать. Лицо его стало как мел. «Знают, готовим спортсменов?» – обращался Виктор Сергеич к Елене. Та ничего не ответила. «Почему я ничего не знаю?» – спросил он. Елена колебалась, думая, отвечать или молчать, но Виктор Сергеич и тут не дал слова вставить. Он обращался к Артему. «Не против, если мы позаимствуем у вас площадку?» Артем выскочил из кабинета как ошпаренный. Он едва не забыл отчет и свои курсовые. По пути он запнулся за стул, который металлической ножкой ударился о металлический каркас стола, и поднятый шум напомнил звон колоколов. В офисе Артем не находил себе места. Елена посмотрела на него, как на дьявола, но начинать разборки не стала. Дмитрий работал сейчас в полсмены, его отъезд был запланирован на следующую неделю. После обеда его место освободится. Артем решил скрыться на обед, чтобы остыть и привести себя в порядок. «Оставил им полную корзину мусора», – думал он, краснея, пока ехал в лифте. Что будет с ним теперь? Карьера в бизнесе закончилась, не начавшись? Было стыдно и перед Еленой, и перед боссом, которого он толком и не знал, и даже перед незнакомыми гостями, все из которых, должно быть, были бизнес-шишки. Артем ругал и казнил себя, и в столовой еда не лезла ему в рот. «Джордан липовый, – ворчал он. – Чемпион, понимаешь, нашелся...» Конфуз выбил его из колеи. Поев, парень вернулся в офис. Соплевание в переговорной все еще продолжалось. К счастью, Дмитрий уже ушел и место его пустовало. Артем сел за стол и погрузился в отчет, спасаясь от стыда в его затягивающих пучинах. Оставалось всего двенадцать страниц, и это означало, что скоро его ждет экзамен «на профпригодность». Что-то подсказывало, что до экзамена дело может и не дойти. «Сам виноват», – повторял он себе.

На следующий день, когда Артем пришел на работу, Елена подошла к нему и сказала, что вчерашний инцидент непременно отразится на результатах его испытательного срока. Она не сказала больше ничего. «Видимо, это и есть профессионализм», – подумал Артем. Переговорная была для него закрыта, он и сам понимал это, а Дмитрий еще не уехал. Но он пригласил его сесть рядом, пододвинув еще один стул к своему столу. Он показал Артему программу, в которой фирма сейчас работала. «Честно тебе признаюсь, – сказал заговорщически Дмитрий, – тот отчет, который ты штудируешь, эта программа процессирует за несколько минут». Он лукаво подмигнул. «Так я все это зря делаю?» – удивился Артем. Дмитрий пожал плечами. «Когда меня брали, я с таким же сидел. А затем Игорь мне объяснил что к чему». Оба посмотрели на Игоря, который вяло читал что-то в своем компьютере. Его конский хвост сегодня был немой и оттого висел как-то печально. «Говорят, тебя босс застукал за бездельем?» – спросил Дмитрий. Голос его звучал не издевательски, а скорее участливо. Артем махнул рукой. Он не хотел говорить об этом. «Ниче, с каждым бывает», – успокоил Дмитрий. «Но не каждого выкидывают с работы», – сказал Артем. Он боялся, что из-за офисбола ему придется поплатиться карьерой. «А сколько у тебя до конца испытательного?» – «Недели три

оставалось», – подумав, ответил Артем. Оба вновь уставились в экран, где специальная программа обрабатывала данные, которые затем необходимо было разбить по каталогам. Проект, над которым Дмитрий сейчас работал, подходил к концу. К ним подошла Елена. Она положила руку на плечо Артема, так что тот вздрогнул. Шепотом она сказала: «Тебя босс хочет видеть». Эта фраза пронзила сознание ослепительной молнией. Страшный рой мыслей пронесся в голове. «Как, он уже на месте?» – подумал Артем, но не сказал. Видимо, Виктор Сергеич уже был в офисе, когда начался рабочий день. Оглянувшись на Елену с жалобным видом, ища поддержки, Артем увидел лишь напряженную маску, в которой читался застывший страх. Конечно, она винила Артема за то, что и ей могло влететь. Но девушка лишь сдержанно кивнула в сторону кабинета шефа. На подкашивающихся ногах Артем поднялся с места. Дмитрий дружески хлопнул его по спине. Артем увидел перед собой дверь к начальнику, и она показалась ему вратами ада. Медленно, как к эшафоту, подошел он к ней: уши забиты ватой, в глазах поволока, последняя мысль пронеслась в голове крикливой вороной: «Здесь все кончится». Как в коматозе, он занес руку над дверью и деликатно постучал, не помня, сколько раз. Ответа не последовало, и Артем отважился приоткрыть дверь. Виктор Сергеич сидел за столом, нагнувшись к чему-то на полу. «Входите-входите», – машинально произнес он. Артем вошел. Как во сне, он сел в кресло, поймав себя на мысли, что никто не предлагал ему садиться. «Все равно все кончено». Он старался избегать взгляда начальника, когда они поднялись над столом. Парень робко посмотрел в окно, за которым была занятая и безразличная Москва с ее выхлопами, пробками и фигурами прохожих. Он мечтал сейчас оказаться там, среди них, затеряться в толпе и стать никем. Артем сглотнул ком, подступивший к горлу. Виктор Сергеич отложил часть бумаг, лежавших на столе. Вид у него был усталый. Он посмотрел тяжелыми глазами на Артема, и тот снова отвел взгляд, уставившись куда-то в его рубашку. Кабинет начальника был отделан со вкусом. В углу стоял цветок, похожий на пальму, на высоком подоконнике свалены папки с бумагами, а к стене справа за юношей был подвешен телевизор, у которого был выключен звук. Сейчас по нему шел какой-то сериал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.